

КНИЖНАЯ ЛАВКА

Премия WORDS AWARD 2012 за лучший роман в категории
«Художественная литература»

Написанная от первого лица, эта книга погружает
в маленький мирок книжного магазина и в жизнь
его обитателей с их тайнами, секретами,
проблемами и радостями...

goodreads.com

Come in, we're
OPEN

КРЕЙГ МАКЛЕЙ

Крейг Маклей

Книжная лавка

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10400778

*Книжная лавка: роман / Пер. с англ. А.Д. Осиповой: Центрполиграф; Москва; 2015
ISBN 978-5-227-05938-3*

Аннотация

Если вы думаете, что книжный магазин можно сравнить с сонным царством, то глубоко заблуждаетесь. На самом деле жизнь в «Книжной лавке» бьет ключом. Управляющий магазином, импозантный итальянец Данте, скрывает от своей авторитарной мамочки страшную тайну. Продавец Себастьян в стремлении получить от жизни все заходит слишком далеко. Интеллектуал Олдос, чья эксцентричность не пользуется популярностью у прекрасного пола, оказывается «темной лошадкой». За скромной внешностью ворчливого старичка Эбenezера прячется тонкая романтическая натура влюбленного рыцаря. Неуравновешенная психика кассирши Мины – еще полбеды, зато ее муж в буквальном смысле слова вооружен и очень опасен. Автор повествования, помощник управляющего, мечтает совсем о другой жизни, но боится что-то менять. Однако после судьбоносной встречи с необычной покупательницей становится понятно: перемен не избежать.

События развиваются с такой скоростью, что работники «Книжной лавки» едва за ними поспевают. Еще и магазин оказывается на грани закрытия. Кто победит – скромная «Книжная лавка» или огромная международная корпорация, поглощающая все на своем пути? И смогут ли герои воплотить свои мечты?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Маклей Крейг Книжная лавка

Craig McLay
Village Books

A Novel

VILLAGE BOOKS
© Craig McLay 2012

Глава 1

Обожаю книжные магазины. И то обстоятельство, что уже три года работаю помощником управляющего в одном из них, лишний раз это доказывает.

Во-первых, там всегда тихо. Уж не знаю, почему близость книг заставляет людей переходить на шепот, но факт налицо. Во-вторых, здесь в одном месте собрано все научное и культурное наследие. Пройдитесь между стеллажами, и вы совершите увлекательное путешествие во времени от прошлого к настоящему – Гомер, Шекспир, Сервантес, Пруст, Диккенс, Оруэлл, Набоков, Мейлер, Уоллис. Все здесь. Лишь протяните руку – и соприкоснетесь с выдающимися достижениями великих. А в-третьих, здесь на вас не кидаются сразу пять продавцов, стоит лишь переступить порог. Нет, это вам не магазин электроники. Большинство работников торговли не понимает: покупатель вовсе не хочет, чтобы его преследовала целая толпа. Вот почему столько народу предпочитает ездить в автосалоны по воскресеньям.

Магазин «Книжная лавка» занимает примерно три тысячи квадратных футов на двух этажах. Я менеджер так называемой «зоны номер один». Это значит, что в мои владения входят секции художественной литературы, истории, науки, архитектуры, путеводителей и драматургии – в общем, почти весь первый этаж. Наверху находится «зона номер два», состоящая из книг о здоровом образе жизни, бизнесе, полезных советов и детской литературы.

Соседство бизнеса и здорового образа жизни может показаться странным, но и ту и другую область объединяет поклонение гуру. Идет ли речь о диетах или инвестициях, люди с восторженным благоговением внимают болтовне любого выступающего на телевидении идиота. Даже если этот идиот толстый или бедный (или и то и другое одновременно). Такова уж человеческая природа. Многие не любят думать сами, когда кто-то другой готов делать это за нас. Мы, конечно, ни за что не признаемся, но на самом деле скорее совершим ошибку в составе большой группы, чем осмелимся от нее отделиться. Даже если все остальные считают, что приобрести акции печально известной корпорации «Энрон» – отличная идея.

А вот работать в детском отделе – все равно что быть заброшенным в горячую точку. Каждый день родители оставляют детей одних в предназначенном для них уголке (хотя, смею заметить, на табличке ясно написано, чтобы не бросали отпрысков без присмотра). Милые чада тут же начинают ломать конструкторы и сбрасывать книги с полок, а что они вытворяют с деревянной железной дорогой – передать страшно. Даже торнадо не так разрушительны.

К счастью, я за этот отдел не отвечаю, но последние несколько месяцев неофициально занимаюсь еще и «детьми», потому что менеджер, Миша, ушла в декретный отпуск и выйдет ли на работу – неизвестно.

Миша недавно родила девочку весом меньше трех кило, которую назвала Наташей. Надо заметить, Наташа ни капли не похожа на мужа Миши, немца Гельмута, зато поразительно напоминает торгового представителя «Хакамото букс», низкорослого нигерийца по имени Саймон. Он что-то слишком часто заходил к нам узнать показатели по продажам – особенно учитывая, что японская эротика в нашем магазине представлена всего парой экземпляров. Все знают, что Миша ушла от Гельмута, увезла дочку на свою историческую родину, в Эстонию, и возвращаться пока не планирует.

Вот еще одна особенность книжных магазинов – со стороны кажется, будто все тихо и мирно, а внутри кипят нешуточные страсти. Близость к продуктам мыслительной деятельности величайших гениев и сумасшедших (что иногда одно и то же) удивительным образом воздействует на мозг. Поместите двадцать невротиков разной степени сдвинутости в замкнутое пространство вроде нашего, и глазом моргнуть не успеете, как начнут твориться странные вещи.

Возьмем, например, Мишу. Они с Гельмутом познакомились через сайт, задача которого – сводить непривлекательных североамериканцев средних лет с юными красавицами из стран бывшего Варшавского договора, которым требуется помощь в иммиграции. Гельмут был активным участником клуба свингеров, поэтому Миша стала не только гражданкой Канады, но и членом «Эротик». Клуб располагается в ветхом сером здании без окон в двух шагах от аэропорта. Своеобразный фитнес-клуб для тренировки гениталий. Мы ни о чем таком не подозревали, пока Миша не перебрала сливовицы на прошлогоднем рождественском корпоративе и не проговорила, что некоторые «встречи» снимаются на камеру.

Когда мы искали в Интернете эту съемку, двигал нами отнюдь не кинематографический интерес. Оказалось, на левой груди у Миши – татуировка Северного полушария, а на правой – Южного. Мой друг Себастьян остроумно заметил, что с такой картой полярник Скотт обязательно добрался бы до полюса, а не замерз насмерть – бедняге было бы чем обогреться. Я обрадовался, когда узнал, что Миша уходит. Не то чтобы мы не ладили, просто при виде ее в голове начинала крутиться песня, которую дети поют в воскресной школе, – «Он держит в руках весь мир».

Нашего управляющего зовут Данте Андолини. Лет тридцати пяти, безнадежный маменькин сынок. А маменька – монументальная женщина из Калабрии по имени Лукреция, сын ласково прозвал ее Вельзевулом. В двенадцатилетнем возрасте Данте лишился правой брови и частично утратил подвижность правой руки после несчастного случая с петардой. Он очень стесняется своих увечий и, разговаривая с людьми, старается поворачиваться левым боком. К этой особенности еще надо привыкнуть. Когда мы только познакомились, все время возникало впечатление, будто Данте обращается к стоящему рядом невидимке.

Данте – ипохондрик. Виновата в этом его мамочка. А если быть совсем точным, Данте стал ипохондриком, потому что боится, как бы его мать не узнала, что он гей. Лукреция ревностная католичка и подобных мыслей даже не допускает. Упорно продолжает верить, что сын просто еще не встретил «ту самую». Для нее это аксиома, не требующая доказательств. Считая, что сыночку нельзя доверить такое важное дело, как выбор матери ее будущих внуков, Лукреция взяла все на себя. Даже зарегистрировала Данте на нескольких сайтах знакомств. Настояла на том, чтобы на фотографии отсутствующая бровь была подрисована, и составила текст, который хоть и изобиловал грамматическими ошибками, зато выставил сына как самого влиятельного, харизматичного и сильного итальянского мужчину после Сильвио Берлускони.

Лукреция отбирает кандидатов и ведет переговоры вплоть до обсуждения первого свидания, после чего незадачливому сыночку настоятельно рекомендуется отправиться в определенное место к определенному времени. Чтобы избежать этих встреч, Данте приходится выдумывать болезни со страшными названиями, которые якобы сразили его всего за несколько часов перед свиданием с очередной Анжеликой, Натальей или Кристиной.

Сначала было легко – хватало обыкновенного гриппа. Но время шло, и Данте пришлось стать изобретательнее в сочинении диагнозов. Он вынужден был обратиться к серьезным источникам – медицинским сайтам и официальной веб-странице клиники Мэйо. Ознакомившись с многочисленными описаниями страшных, коварных заболеваний, угрожающих среднему человеку, Данте всерьез начал бояться, что страдает некоторыми из них.

Несколько месяцев наседаю на Данте, чтобы нанял нового менеджера второй зоны. Уже октябрь, скоро начнется предпраздничная инвентаризация. Работы невпроворот, и мне надоело быть одним из трех сотрудников, у кого есть ключи. Остальные двое – Данте и Мина, старший кассир. Быть обладателем ключей – значит постоянно открывать и закрывать магазин, а это весьма утомительно.

А хуже всего то, что Мина часто берет отгулы. Меня вечно вызывают на работу как раз тогда, когда собирался выспаться после поздней смены. Особенно это неприятно, если

вечер я провел в «Фальстаффе», за честно заработанной пинтой-тремя, успешно вытолкав за порог магазина припозднившихся бездельников, которые «просто смотрят». Пора уже Данте найти нового человека. Если этого не случится в ближайшее время, пожалуюсь его маме.

Направляясь в крошечный кабинет Данте, чтобы в очередной раз затронуть болезную тему, чуть не спотыкаюсь об Эбенезера Чиппинга. Тот стоит на коленях перед серией «Коулс нотс», краткими изложениями произведений классической литературы. Эбенезер – школьный учитель на пенсии, вдовец, работает неполный день в вечернюю смену. Ужасно ворчлив, но лучше его в продаваемом товаре никто не разбирается. Остальные мистера Чиппинга побаиваются, уважительно называют «сэр». Я формально являюсь его начальником, поэтому обращаюсь к нему просто «мистер Ч.».

Единственный человек, относящийся к Эбенезеру Чиппингу безо всякого почтения, – Фермина Маркес, испанская эмигрантка, владелица находящегося через дорогу кафе «Оле». Она зовет мистера Чиппинга Эбби. Кажется, он в нее влюблен, но сам ни за что не признается, а спрашивать не собираюсь – опасно для жизни.

Зато свою легендарную ненависть к кратким изложениям Эбенезер не скрывает. Несколько раз ловил его на месте преступления – пытался вернуть все книги на склад или оставить для них как можно меньше места на полке.

– Добрый вечер, мистер Ч. Опять краткие изложения переставляете?

Эбенезер только хмыкнул:

– Самый страшный удар по литературе после телевидения. Проклятый Лоджи Бейрд.

Сзади кто-то робко пискнул:

– Но, сэр, как же Зворыкин?

Оборачиваюсь и вижу дреды Олдоса Швингхаммера. Олдосу лет двадцать с чем-то, исключен с философского факультета, тоже работает неполный день – по вечерам, иногда днем. Кожа у него белая, как у Дракулы, происходит он из славного рода известных швейцарских промышленников, но почему-то старается выдать себя за ямайского серфера – дреды, пестрые рубашки, сандалии с открытыми носами. Думает, что людей эксцентричных чаще считают гениями. А Олдос очень хочет, чтобы его считали гением. Намерен стать автором первого великого философского трактата XXI века.

– Чума на оба их дома, – перефразировав цитату из «Ромео и Джульетты», бормочет Эбенезер. – Иди-иди, нечего большевистскую идеологию разводить.

Но от Олдоса так просто не избавишься. Хватается за любую тему, в которой разбирается, – а ему кажется, что это все темы на свете. Вдобавок каждый разговор умудряется перевести на себя.

– Телевидение – главный предмет моей диссертации, – объявляет Олдос. Хотя самого при невыясненных обстоятельствах «попросили» из университета в середине первого года и до диссертации дело так и не дошло. – Считаю, что человек стремится к великим свершениям, когда осознает, что целых семь миллиардов людей даже не подозревают о его существовании. А телевидение и Интернет мою гипотезу только подтверждают. Я называю это аксиомой Швингхаммера.

Сократив отведенное под краткие содержания место практически вдвое, Эбенезер поднимается.

– Швингхаммер, ты балда. Аксиома – принцип, не требующий доказательств. А еще надеешься потрясти то немногое, что осталось от интеллектуальной элиты, своими бреднями, когда сам аксиомы с афоризмами путаешь.

Олдос улыбается – как ему самому кажется, снисходительно. Подобный фокус он проделывает часто. Этим Олдос хочет сказать: «Вы просто не в состоянии уяснить мою мысль». Но со стороны выражение лица выглядит бессмысленным. Не удивлюсь, если его когда-

нибудь насмерть забьют дубинками во время крестьянского восстания в какой-нибудь слаборазвитой банановой республике.

– Уж вы-то, сэр, должны меня понять! – произносит Олдос. Потерпев очередную неудачу в стремлении шокировать всех своими интеллектуальными способностями, решил создать братство непонятых. – Вам ли не знать, как трудно донести до непросвещенной толпы свои идеи! Поэтому я здесь. Хочу понять обывателя, чтобы потом он понял меня.

Эбenezер тоже улыбается, но гораздо более уничижительно.

– Мальчик мой, ты здесь только потому, что в университете вместо трудов Канта поглощал психотропные субстанции. Не трудись, я сэкономлю тебе время. Обыватель – невежественный, ленивый, мелочный, зашоренный и легко убеждаемый. Не сомневаюсь: когда ты все-таки опубликуешь этот свой грандиозный опус, нынешнее поколение фигляров будет превозносить тебя как величайшего мыслителя после того психолога из телевизора, доктора Фила. Но боюсь, теория твоя, сколь глубоко она ни проникала бы в суть человеческой природы, будет вытеснена на последние страницы глянцевыми фотографиями Пэрис Хилтон без трусов и сияющего всеми зубами Брэда Питта.

Олдос пожимает плечами и спрашивает меня, какие будут распоряжения. Велю, чтобы убрал то, что плохо продается, – нужно освободить место для надвигающегося неумолимо, как цунами, праздничного завоза. Иначе через пару недель в буквальном смысле слова утонем в книгах. Олдос кивает и уходит. Отдавать распоряжения Эбenezеру не решаюсь. Он здесь работает дольше, чем я. Пусть проводит очередной вечер в бесплодных попытках уговорить работающих матерей среднего класса купить Хемингуэя или Менкена вместо Дэна Брауна, Дженет Эванович или истории отважной африканки, выжившей после женского обрезания, – в общем, чего-нибудь такого, что советовала почитать Опра в своем шоу. Труд Эбenezера тяжел и неблагодарен, но он несет этот крест с гордостью.

Я его понимаю. Вчера пришел в ужас, увидев, что почти все книги Харлана Эллисона попали в категорию «задних». Наш товар условно делится на «передний» и «задний». Вперед выставляют новые книги, на дальние стеллажи – старые. Категория «задних» состоит еще из двух подвидов, «А» и «Я». «А» – более новые или более востребованные произведения, «Я»... сами понимаете. Но можно опуститься еще ниже, в категорию БНИ – Больше Не Издается. БНИ означает, что тираж уже нельзя вернуть издателю.

Вообще-то по правилам книгу необходимо возвращать, как только она станет «задней». Но я часто отказываюсь делать это чисто из принципа, отчего возникает серьезная проблема со свободным местом – новый товар поступает постоянно, а полки не резиновые. Но мне все равно. Лучше верну миллион романов Даниэлы Стил или Николаса Спаркса, чем отошлю обратно хоть одного Патрика О’Брайана или Ричарда Форда.

Только не подумайте, будто я сноб. Ничего подобного. Не всем быть авторами «Улисса», и слава богу (дважды пытался прочесть эту книгу, но оба раза не продвинулся дальше сотой страницы). Ничего не имею против романтических комедий. У издателей это вообще любимый жанр – в наше время складывается ощущение, будто читают одни женщины. Почти все мои знакомые мужчины, включая тех, кто работает в нашем магазине, за эту неделю не прочли ничего, кроме инструкции, как разогреть в микроволновке лазанью быстрого приготовления. Женщины чаще мужчин поступают в университеты и, надеюсь, вскоре обгонят нас и на карьерной лестнице. Патриархальный строй умирает. В отличие от любителей жесткого мордобоя или долбежки по барабанам я этому только рад. Если женщины во власти не дадут человечеству повзрывать все вокруг, я только за. Впрочем, про Маргарет Тэтчер этого не скажешь.

Погруженный в подобные мысли, завернул за угол и в буквальном смысле слова столкнулся с самой неординарной женщиной из всех, кого встречал.

Она стояла около стеллажа с драматургией и порывисто обернулась в мою сторону, вовлекая в водоворот из рыжих волос, улыбок и вопросов.

– А еще пьесы Мамета есть?

Я сражен в самое сердце и выпаливаю первое, что пришло в голову:

– Выходите за меня замуж!

Женщина смеется и показывает левую руку. Чувствуя первобытную ревность пещерного человека, вижу кольцо с бриллиантом такого размера, что внутри его можно лазерную установку спрятать.

– Извините, – произносит покупательница, – но вас опередили.

Затем указывает на полку.

– Вот «Олеанна», а где «Пашем на скорость»? А «Сексуальные извращения в Чикаго»? Мы с нашей труппой хотим поставить одну из них.

– Значит, вы актриса?

Женщина принимает картинную позу.

– Только не говорите, будто не узнали!

Ловлю себя на том, что улыбаюсь, как идиот, но ничего поделать не могу. Так всегда бывает, когда встречаю красивую обаятельную женщину. В последний раз похожий конфуз вышел год назад, во время собеседования с бывшей моделью – та желала устроиться кассиром на неполный день. По счастливому совпадению работает она хорошо, но скажу честно: нанял я ее не за это. Правы женщины – мы действительно заикливые на внешности лопухи.

– Да, надо чаще ходить в театр, – говорю я, протягиваю руку и представляюсь.

– Леа, – отвечает она и слишком сильно сжимает мои пальцы – мол, это чисто формальное знакомство, никаких недомолвок. Ха-ха. – Труппа у нас чисто женская, «Олеанна» могла бы подойти, но там слишком мало ролей со словами.

Леа ставит тонкую книгу обратно на полку.

– Может, попробовать что-нибудь из классики? На нее авторские права приобретать не надо. Видите ли, мы стеснены в средствах. Может, посоветуете что-нибудь?

Кривлю губы и изображаю глубокую задумчивость, хотя сам о театре ничего не знаю. Хорошо, если смогу не перепутать Беккета с Брехтом.

– Хмм...

– Наша режиссер любит пафос, греческие трагедии и все в таком духе. Заикалась насчет «Орестей», но меня от одного имени Клитемнестра смех разбирает. – Леа фыркает. – Видите? Нужно что-то другое.

Она корчит гримасу и глядит на часы. Циферблат повернут на внутреннюю сторону запястья. Я тоже пытался так ходить, чтобы не царапать часы, когда расставляю на полках книги, но никак не могу приучиться. Наверное, гены виноваты.

– К сожалению, пора бежать. Но спасибо за помощь. Надеюсь, скоро увидимся.

Последняя фраза звучит так, будто сказана не из вежливости, а всерьез. Мою крошечную необоснованную надежду гасит одно важное соображение – она ведь актриса. Если главный талант актрисы – уметь нравиться, считайте меня ее поклонником, но теперь Леа ушла, и, скорее всего, больше я ее не увижу. Увы. С этим трудно смириться, но любой мужчина каждый день встречается множество привлекательных женщин, и с большинством из них завязать роман не получится. Даже если вы – Хью Хефнер в расцвете сил и случайные связи – часть вашей работы.

Но эта женщина особенная. В меня будто молния ударила, раньше такого не испытывал. Легкие покалывания – да. Примерно то же самое ощущаешь, когда пытаешься выдернуть из розетки застрявший штепсель. Однако этот мощный разряд мог бы расколоть дре-

весный ствол. В воздухе висит запах озона и обгорелых волос, а ты валишься навзничь с ошарашенным, но удивительно спокойным лицом.

Хочется бежать за ней вслед, но что толку? Она уже помолвлена. К тому же рискую быть принятым за ненормального. А если свадьба все же не состоится и когда-нибудь мы встретимся снова, хочется, чтобы меня запомнили как обаятельного и чуть застенчивого парня из книжного магазина, который был готов взять ее в жены с первой же минуты. Можно начать разговор с удачной шутки на эту тему, потом вскружить ей голову каскадом фирменного остроумия, уговорить Леа выпить со мной кофе, сходить в кино, в ресторан и только после этого сделать предложение руки и сердца по всем правилам. Желательно уложить это все в один вечер.

Впрочем, это все пустые фантазии. Скорее всего, наша встреча была первой и последней.

Ощущая и грусть, и облегчение одновременно, разворачиваюсь и шагаю в кабинет управляющего. Там сидит единственный человек в этом магазине, всеми силами старающийся избежать свиданий.

– Привет, Данте. Как самочувствие?

Данте, как обычно, уставился в монитор.

– Как думаешь, что страшнее звучит – компартментальная гидродисплазия или тентиккулярный гангреноспермафорит?

Я поморщился:

– Второй, конечно! Еще спрашиваешь. Кстати, что это за болезнь? Нет, не надо. Не говори. Лучше не знать.

Кроме ипохондрии, в Данте сильнее всего раздражает то, что он удивительно импозантный мужчина – несмотря на отсутствующую бровь. Вылитый Джордж Клуни, только итальянец. Как истинный сын своего народа, одевается так, что все остальные рядом кажутся чернорабочими. Женщины на него просто кидаются. Поэтому Данте предпочитает не рисковать и отсиживается в кабинете.

– Может, покинешь сайт клиники Мэйо хоть на пару минут и найдешь, наконец, нового менеджера второй зоны?

– Уже нашел, – с гордым видом кивает Данте.

Не спешу радоваться. Данте часто говорит, будто что-то сделал, а сам только планирует. Когда-нибудь. Может быть.

– Серьезно?

– Она только что ушла.

Я поражен до глубины души.

– Что, прямо сегодня?

– Минуты две назад. Ее зовут Леа. Леа Дэшвуд. Приступает с понедельника. Учить ее будешь ты.

Признаюсь, дошло до меня не сразу.

– Что?..

– Да, она вроде пытается пробиться в актрисы, но опыт работы в книжном магазине имеется. Думаю, скоро освоится.

Боже правый.

Глава 2

Каждый хоть раз в жизни должен поработать продавцом. Считайте это долгом перед страной и обществом, как служба в армии.

Магазин у нас маленький, поэтому покупателям даже мелкие выходки с рук не спускаем. Нельзя называть главного кассира лживой тварью за то, что в магазин перестали завозить любимые вами, но не пользующиеся спросом у других покупателей схемы по вышиванию (история из жизни). Нельзя возвращать номер журнала «Вог» годичной давности, из которого вырезаны все фотографии женщин в платьях, потому что голос в вашей голове сказал, что они кощунственны (еще одна история из жизни). Нельзя класть на стойку кассы развернутую газету, багель с яйцом и сыром, пальто и вдобавок ставить стакан с кофе, объясняя это тем, что других плоских поверхностей в магазине не нашлось (снова история из жизни).

Мы не национальный бренд, неограниченными кадровыми ресурсами не обладаем, поэтому не заставляем наш персонал проходить разрушительные для личности курсы по вежливому общению с покупателем. Если придешь в магазин, нарочно нахамишь персоналу, пригроишь пожаловаться в службу по защите прав потребителя или позвонить в полицию, если испортишь товар – я отреагирую в соответствии с сегодняшним состоянием духа.

А состояние чаще всего усталое. Устал постоянно разочаровываться в человеческой природе. Вот она, обратная сторона всеобщей торговой повинности, – через некоторое время начинаешь воспринимать окружающих людей как внешние раздражители.

Я здесь уже три года и, пожалуй, достиг данной стадии. Если пробуду еще немного, обзаведусь неизлечимой патологической ненавистью ко всему человечеству. Превращусь в Эбenezера. Или в Терезу Баркер по прозвищу Мать Тереза. Она работает в отделе детской литературы с самого открытия, то есть почти тридцать лет. Она приятная женщина, но какая-то застывшая, и взгляд немного стеклянный. Как будто скрывается под прозрачным панцирем, не пропускающим ни злобных мыслишек, ни кислорода для питания мозга.

Тереза – член малоизвестной секты под названием «Собрание Избранных». Они ходят по домам, переписывают все земное имущество на свою церковь и собираются основать колонию на самом богоугодном холме где-нибудь в Мускоке. Там и будут готовиться к Страшному суду – впрочем, для Избранных это событие совсем не страшное, а даже наоборот. Разозлить Терезу невозможно – проще найти углы на шаре для боулинга. В состоянии близком к злости я видел ее только на вторую неделю своей работы в магазине, когда Тереза узнала, что я атеист, и мы вступили в спор об удивительно сложном строении всего живого. С лица Терезы не сходила улыбка, но желваки на скулах напряглись, будто мышцы у борца без правил.

– Если есть создание, должен быть и создатель! – пронзительным голосом вещала Тереза. – Вот, например, эта полка! Скажете, книги на ней сами собой расставились?

– Но есть явления, которые созданы силами природы, – возражал я. – Например, Большой каньон. Или Вселенная. Да и книги на этой полке отнюдь не Бог расставлял. Уж он бы, в отличие от Олдоса, порядок букв алфавита не перепутал бы.

Тереза ответила, что ей очень жаль, что я так смотрю на вещи, но все равно пообещала за меня молиться. С тех пор отношения между нами профессионально сдержанные, хотя пару раз застиг Терезу за попыткой спрятать от покупателей «непристойные», по ее мнению, альбомы по искусству. Вот еще одна причина, почему все эти Страшные суды и обновленные миры не вызывают у меня никакого восторга – ведь там придется соседствовать с такими людьми, как Тереза.

Вообще-то о трудных покупателях я заговорил в связи с тем, что передо мной сейчас стоит один из них. Суббота, вечер, в магазине полно народу. Во многом за это нужно бла-

годарить маленький кинотеатр «Престиж» – по пути домой зрители частенько забегают к нам. В «Престиже» обычно показывают что-нибудь не слишком массовое, «не для всех», поэтому основная часть аудитории – богема, состоящая из студентов и тридцатилетних бездетных хипстеров. Но сегодня повторно показывали хит нынешнего лета – мультим в 3D с участием говорящих зверушек. Видимо, бельгийские документальные фильмы о навозных жуках достаточного дохода не приносят. Так что сегодня, судя по состоянию дел в нашем магазине, аудитория к ним пришла более широкая. В основном это оказались люди, которым жалко лишние четыре бакса на нормальный кинотеатр или которые недостаточно хорошо владеют компьютером, чтобы скачать мультим нелегально.

На первый взгляд недовольный покупатель ничем не напоминает других своих проблемных собратьев. По большей части это мужчины средних лет, чаще всего холостяки или разведенные. Одни – простые работяги, другие – гордящиеся собой профессионалы высокого класса. Первые используют редкую возможность самоутвердиться за счет человека, который, как им кажется, стоит ниже их, вторые же просто привыкли глядеть на всех вокруг свысока.

Но сейчас передо мной девушка лет двадцати, не больше. Худенькая, с жидковатыми светлыми волосами, собранными в такой высокий хвост, что голова напоминает ананас. Замечаю, что рука покупательницы лежит на стойке. Плохой знак. Если нужна опора, значит, готовится к долгой речи. Это как кафедра для проповедников и политиков. Справа от девушки стоит молодой человек. Судя по смущенному лицу и довольно большому расстоянию между ними, в конфликт втянут против воли, а значит, угрозы не представляет. Его можно не считать.

Вызвал меня сюда лучший друг, Себастьян Донливи. Мы с Себастьяном начали работать одновременно. Я – полный день, менеджером, он – неполный, потому что якобы писал диплом по английскому. Но Себастьяну так нравится студенческая жизнь, что с выпуском он не торопится. Уже некоторое время учится со скоростью один предмет в семестр. Себастьян – все понемножку: писатель, художник, музыкант, актер, студент. Единственное, чем он занимается серьезно и углубленно, – женщины и алкоголь. Родители Себастьяна развелись два года назад. Несмотря на дикие выходки, мать не спешит выгонять оболтуса из дома – боится, что второе потрясение окончательно расшатает психику его братьев, девяти и семи лет.

Мы с Себастьяном сошлись быстро на почве безумной влюбленности в двух разных женщин, работавших в магазине. Меня пленила высокая блондинка. Впоследствии она забеременела от приехавшего в командировку влиятельного нефтяника и переехала в Эдмонтон. Себастьян же пылал страстью к брюнетке, которую позже уволили за подделку документов. В общем, на любовном фронте ничего не получилось, зато мы обнаружили, что наши взгляды на кино, политику и литературу во многом совпадают. И на пабы тоже – мы даже составили свой рейтинг, главный критерий в котором – близость к месту работы.

Себастьян встал за свободную кассу, когда Мина в очередной раз исчезла. Куда – неизвестно, но вариантов много – решила сделать перерыв, пошла в туалет или прячется в кабинете менеджера и рыдает в углу около сейфа.

Завидев меня, Себастьян многозначительно округляет глаза. Изображаю вежливую улыбку. Это как в кино на голливудский фильм идти – вроде знаешь, чем все закончится, и все равно не можешь удержаться.

– Добрый вечер! Чем могу помочь?

Блондинка с головой-ананасом разворачивается и устремляет на меня мышинные глазки-бусинки.

– Это вы менеджер?

Голос такой же, как она вся, – тоненький и слабенький. Будто ее только что душили. Продолжаю улыбаться, делая вид, будто разговор предстоит дружеский и маленькое недоразумение удастся разрешить за пять минут, к всеобщему удовольствию. Но на это даже рассчитывать не приходится.

Киваю:

– Он самый.

Не оборачиваясь, девушка тычет пальцем в Себастьяна:

– Хочу вернуть книгу, а этот говнюк не принимает.

Покупательница машет перед моим носом огромной кулинарной книгой.

Оглядываюсь на длинную очередь, замечаю в ней нескольких детей младше десяти лет и на всякий случай пытаюсь увести девушку в нишу, чтобы наш разговор не слышали. Но с ней этот номер не проходит.

– Ну уж нет. – Девушка упрямо выпячивает подбородок и кивает на очередь. – Пусть все знают.

Вздыхаю. Назвать моего лучшего друга говнюком – не лучший способ заслужить мое расположение, а уж говорить такие слова при маленьких детях – тем более. Немедленно решаю устроить ей веселую жизнь.

Беру книгу и разглядываю. БНИ – больше не издается, а значит, была уценена, обмену и возврату не подлежит. Переплет на пластиковую пружину, такие книги продаются в защитной пленке. Открываю и вижу, что она почти разваливается. Самым невинным тоном задаю следующий вопрос:

– Чек у вас с собой?

Теперь, когда книга у меня, девушка получает возможность жестикулировать обеими руками и радостно этим пользуется, вскидывая руки так энергично, словно оркестром дирижирует.

– Слушайте, как вас там... – наклоняется вперед, высматривая бейджик, но мы их не носим. – Можно подумать, сами каждый гребаный чек храните!

Родители в очереди начинают беспокойно переминаться с ноги на ногу и шепчут детям, чтобы не слушали злую тетю. Казалось бы, я должен удивиться, что кто-то поднял столько шума из-за четырех баксов. Но нет. Давно уже привык.

Стараюсь говорить спокойно и взвешенно. Скандалисты всегда бесятся, когда не могут довести собеседника до белого каления.

– Значит, хотите вернуть испорченный уцененный товар? И даже не можете доказать, что приобрели его у нас, а не где-то в другом месте?

Девушка понимает, что на сочувствие рассчитывать не приходится. Прежде чем покупательница успевает ответить, продолжаю:

– Знаете что? Я верну вам четыре бакса, но при одном условии.

Девушка поджимает губы.

– При каком?

– Обещайте, что потратите их на покупку электронной книги и впредь будете приобретать литературу только через интернет-магазины.

Девушка выдергивает у меня из рук книгу и запихивает в сумку.

– Да пошли вы! Идем, Родни. Козлы!

Последнее слово брошено через плечо, как ремарка. Впрочем, для ремарки громковато.

– Ах! Классическая реплика, используется в восьмидесяти процентах боевиков! Только вместо «Родни» нужно другое имя, – замечает Себастьян, когда парочка уходит. – Никто не станет снимать боевик про человека по имени Родни.

Встаю за кассу Мины, чтобы помочь Себастьяну обслужить остальных покупателей. Предоставляю всем десятипроцентную скидку за моральный ущерб. Когда очередь расс-

сывается, расспрашиваю Себастьяна про девушку, с которой он познакомился в Интернете. Вчера вечером у них было свидание.

– Увы, это был полный Хичкок, – отвечает Себастьян.

Это наш шифр. «Хичкок» значит «страшная». «Феллини» – красивая женщина, но, чтобы что-то от нее получить, надо постараться. Помните, как Мастроянни полез в фонтан Треви за Анитой Экберг, а наградой за труды оказались лишь промокшие брюки? «Скорсезе» – девушка со странностями (представьте Роберта де Ниро в одежде служанки из «Мыса страха»), «Полански» – та, с которой связываться себе дороже (несовершеннолетняя, замужем, начальница...). «Кубрик» – холодная, отстраненная, держится как робот, ни проблеска эмоций, но что-то в ней такое есть... «Спилберг» – слишком старается понравиться. Вот такое авторское кино, не похожее друг на друга.

– Она себе что-то вколола в губы, – делится Себастьян. – Говорила, как это называется, но я забыл. Вроде не ботокс. Хотя не уверен, она так невнятно мычала...

– Значит, с пластической операцией? А лет сколько?

Себастьян пожимает плечами и достает из кармана на бедре компактную флягу. Предлагает мне плотнуть, но я вежливо отказываюсь. Как бы Себастьян не превратился в того опустившегося писателя-алкоголика из «Потерянного уик-энда».

– В анкете пишет, что двадцать пять. Вообще-то девушка как девушка, но эти губищи... Как у Мика Джаггера, но в том-то и дело, что она – не Мик Джаггер. Хорошо, что мы с ней только выпить договорились. Она все через соломинку тянула. Уж не знаю, как бы с едой справилась.

– Подожди недельку, пока отек спадет, и позвони еще раз.

– Поздно. – Себастьян оглядывается по сторонам, проверяя, не подслушивает ли кто, и шепчет: – Значит, пошли мы к ней домой...

– Серьезно? У нее рот, как у верблюда, а ты к ней домой пошел?

– Что она говорила, я не понял, а вот что я говорил, ей, видно, понравилось. Сидим мы, значит, на диване, тут она расстегивает мне ширинку и принимается за дело... этим своим верблюжьим ртом...

Я издаю громкий смешок. Стараюсь выкинуть из головы данную картину.

– Но есть одна проблема. Она намазала губы каким-то специальным кремом. Для наружной анестезии. То ли от боли, то ли от отека, не знаю. В общем, минуты через две понимаю, что вообще ничего не чувствую. Все онемело.

Я чуть руку в рот не засунул, чтобы не расхохотаться. Подходит покупатель с атласом и требует скинуть десять процентов цены, потому что обложка с краю порвана. Соглашаюсь не глядя, Себастьян сканирует штрихкод.

– А дальше, дальше что?

Себастьян делает еще глоток из фляжки.

– Притворился, будто мне все нравится. А потом виноватым себя почувствовал. Короче, переспал с ней. Так меня из-за этой штуки на целый часхватило, пока эффект не выветрился. Супер! Теперь вот гадаю: а вдруг она это нарочно сделала? Да, чего только в жизни не бывает...

– Второй раз с ней встречаться собираешься?

Себастьян мотает головой:

– Нет. Наверное, больше она этой мазью не пользуется, а я вчера слишком высокие стандарты задал. Захочет, чтобы соответствовал, а я физически не в состоянии. Нельзя же просить, чтобы она снова рот намазала. И вообще, слишком все это стремно. Да и музыку она слушает ужасную. Представляешь, «Джефферсон Старшип» врубила!

Истории любовно-фармакологических приключений Себастьяна мне противопоставить было нечего. Просто сменил тему:

– Где Мина?

– Домой ушла. Сказала, плохо себя чувствует. Но выглядела нормально. Не знаю, что на нее нашло.

Зато я, к сожалению, знаю.

Глава 3

Задумываясь над историей человечества, поражаешься, что почти все общепринятые представления оказываются заблуждением.

Например, раньше верили, что Земля плоская, что кровопусканием можно вылечить инфекцию, что «Аватар» – великий фильм и никакого плагиата на «Покахонтас» в нем нет, а мировая экономика тверда как скала. Видимо, человечество как вид вообще склонно ошибаться. И я не исключение. Охотно признаю: заводить роман с Миной Бовари было очень плохой идеей.

Впрочем, сразу оговорюсь. Идея была не моя, и называть эти отношения оптимистичным словом «роман» язык не поворачивается. Впрочем, теперь не важно. Я поступил как Макнамара с Вьетнамом – не проявил достаточно твердости в нужный момент.

Этого не следовало делать по многим причинам. Мина была замужем (и до сих пор замужем). Она была моей подчиненной (и до сих пор ею остается, хоть и чисто номинально). Вообще-то технически за всю финансовую сторону вопроса отвечает Данте, но у нас в организационных вопросах черт ногу сломит. Вдобавок у Мины депрессия – настоящая, клиническая, она тогда принимала третий курс антидепрессантов. Впрочем, я об этом не знал.

Началось все несколько месяцев назад, ночью, когда Мина накинулась на меня после закрытия магазина. Как главный кассир, Мина помогала мне провести ежеквартальную ревизию кассовых остатков, как вдруг толкнула меня на сейф и влезла сверху. Не привык, чтобы на меня в порыве неудержимой страсти бросались женщины. Был так ошеломлен, что достойного сопротивления оказать не смог. Теперь понимаю, что, скорее всего, это был побочный эффект нового лекарства. Если бы рядом оказался не я, а Данте – между прочим, это его обязанность, – произошло бы то же самое. Хотя готов поспорить, исход был бы иной.

До этого я не очень хорошо был знаком с Миной. После работы она с нашей компанией в «Фальстаффе» не заседала, в кино не ходила. Знал, что формально Мина замужем, но складывалось впечатление, что живут они с мужем отдельно. В принципе я оказался прав: муж действительно жил отдельно – в Афганистане, служил снайпером в каком-то особо секретном подразделении. Должен признаться, от такой радостной новости по спине пробежал холодок. Оказалось, я не только грязный развратник, а практически государственный изменник. Мои действия уж точно противоречили призыву «Поддержим наши войска». Мне этот лозунг никогда не нравился – ушлые политики используют его при каждом удобном случае, ведь поддержка войск означает поддержку военных операций, а тут я пас. Начали сниться кошмары, будто я похоронен заживо и на помощь позвать не могу – мешают собственные гениталии, засунутые в рот.

Попытался свести отношения на нет, но Мина в завуалированной форме дала понять, что расскажет Данте или даже мужу. Возможно, письмо подобного свойства и будет сокращено военной цензурой, но общий смысл супруг, несомненно, уловит. После этого мы еще несколько раз встречались, но я нарочно выбирал ярко освещенные общественные места. Если Мина предлагала пойти куда-то еще – например, в кинотеатр или к ней домой, – напускал на себя смущенный вид и отказывался. Мина неоднократно звонила мне в дверь поздно ночью, оставляла пространные слезливые сообщения на автоответчике, но я не поддавался.

Мина говорила, что хочет уйти от мужа, потому что он агрессивен и склонен к насилию. Я советовал обратиться в полицию и сходить к психологу, но Мина решительно отменяла эту идею, утверждая, что у мужа связи в высших военных кругах. В тюрьму он не сядет, зато ее вполне могут упрятать в сумасшедший дом. Мина уверяла, что ее письма перехватывают, а телефон прослушивают. Якобы в ее одежду зашиты не то жучки, не то маячки,

Канадская служба разведки и безопасности следит за каждым шагом несчастной, вплоть до того, какие фильмы она берет в видеопрокате и какие книги в библиотеке.

Потом Мина начала принимать новое лекарство, и ситуация наладилась. Она перестала отправлять мне зашифрованные электронные письма и являться посреди ночи. Даже работать стала лучше. Смены больше не прогуливала, да и кассовый баланс наконец начал сходиться. Казалось, Мина была почти счастлива. Когда Себастьян сообщил, что она ушла без всякой видимой причины, я испугался, что Мина взялась за старое, и только поэтому согласился встретиться после работы.

Итак, сижу в сетевой кофейне в восьми кварталах от магазина. Риск наткнуться на коллег сведен до минимума, они сейчас все расслабляются за «нашим» столиком в «Фальстаффе». Она опоздала на двадцать минут, я уже думал, допивать холодный чай со дна (кофе не пью) или сразу уйти в свой любимый паб, но тут дверь распахнулась и вошла Мина.

Улыбается – значит, новости, скорее всего, хорошие. Но тут внутренности будто клещами сжимает. Вдруг беременна? Сама Мина может считать это хорошей новостью. Она говорила, что дела нормально, но как-то обмолвилась, что квартирный хозяин специально обучил свою кошку за ней шпионить. О чем я только думал?..

Мина садится, ничего не заказав.

– Спасибо, что пришел.

Извиниться за опоздание даже в голову не пришло. Замечает мою почти пустую чашку и оглядывается на буфетную стойку.

– Что пьешь?

– Уже допил, – отвечаю я и прикрываю чашку ладонью. Универсальный жест, работает везде – и в кафе, и в казино.

– Себе ничего брать не буду, я ненадолго, – говорит Мина.

Меня охватывает преждевременный оптимизм. То же самое испытывает герой ужастика, добежавший наконец до дома, но не успевает бедолага открыть дверь, как маньяк с бензопилой вдруг возникает прямо за спиной, хотя все предшествующие десять минут его и близко рядом не было.

– Так что ты хотела? – спрашиваю я.

– Н-ну... – Мина оглядывается по сторонам, будто текст ее речи написан где-то на стене. – Я встретила человека... Хотела, чтобы ты узнал первым.

Задумываюсь: вдруг под «человеком» Мина подразумевает меня? Есть у нее такая манера выражаться. После той ночи в кабинете мимоходом обронила, что влюблена в одного нашего менеджера. Ориентация Данте известна всем и каждому, кроме его матушки, другая наша менеджер в Эстонии. Простейший метод исключения.

Нет. Похоже, Мина это серьезно. Не может быть. Вот я добрался до двери... ручка поворачивается... неужели в этом фильме мне отведена роль единственного выжившего и это я помчусь со всех ног на фоне бегущих титров?

– Рад за тебя! – Стараюсь, чтобы в голосе звучал один энтузиазм без примеси облегчения. – Я его знаю?

Мина улыбается и опускает глаза в пол. О нет. Я его знаю. И кто же этот счастливчик? Себастьян? Нет, он же только что рассказывал про секс-марафон с участием клоунессы с надутыми губами. Олдос? Низковат, толстоват, любит повыпендриваться, но бывает остроумным, и некоторые его идеи действительно интересны. Опыта с женщинами у Олдоса маловато, бедняга не сообразит, что купил билет на «Титаник», пока не покажется айсберг. Я, в отличие от него, живу не на облачке, поэтому успел вовремя выпрыгнуть за борт. Данте исключается. Эбенезер тоже. Есть еще Уиллард Курц, глава отдела поставок, но он сейчас сожительствоует с промышленницей без лицензии массажисткой, пара воспитывает двухлетнюю дочь. Еще у Уилларда имеются зеленый ирокез, несколько татуировок, а колец в раз-

ные части его тела вставлено больше, чем найдется в любом ювелирном магазине. Мина – интроверт, в студенческие годы специализировалась на истории искусства, пишет ужасающие стихи про природу (отрывок: «Ты солнца рассвет на небе моем, когда мы целуемся в поле вдвоем»). Трудно представить этих двоих вместе. Мирослав Дефокник, наш деревенский дурачок, тоже кандидатура маловероятная. Этот парень три раза уронил себе на голову один и тот же кирпич, когда строил во дворе у родителей печь для барбекю, и, по общему мнению, ума это ему не прибавило. К тому же Мина ненавидит шовинистические шуточки Мирослава, хотя все остальные только ради них его и терпят.

Погодите. Мина сказала «человек». Вдруг это женщина? А что, вполне возможно. Мина признавалась, что пару раз экспериментировала в этой области. Прежде чем успеваю обдумать возможных кандидатов, Мина тихо произносит:

– Не хочу болтать раньше времени. Выводы делать еще рано, но у меня хорошее предчувствие.

Улыбаюсь. Вот не повезло кому-то. Он(а) еще не знает, с кем связался(лась). Но главное, меня все это больше не касается. Не то чтобы мне плевать на Мину, просто от моего вмешательства ей никакой пользы, а значит, пришло время деликатно отойти в сторону. Поэтому про законного мужа даже не заикаюсь. Когда крадешься мимо спящего медведя, лучше не тыкать его палкой в глаз.

– Замечательная новость, – говорю я. Какое лицемерие! Впрочем, новость и правда замечательная – для меня.

– Надеюсь, ты не слишком расстроился?

Не смейся, придурок, не хватало все испортить в последний момент! Дверь открыта! Музыка становится громче...

– Переживу.

Мина облегченно выдыхает:

– Боялась, будет намного труднее!

Кому – ей или мне? Потому что для меня все прошло легче не бывает. Иногда расставания похожи на сцену катапультирования в фильме «Топ ган» – вы оба понимаете, что пора спасаться, но только один останется целым и невредимым. Некоторые расставания больше напоминают убийство Мо Грина в «Крестном отце» – только что тебя, полуголого, массирует красивая женщина, а через секунду тебе выносят мозг в буквальном смысле слова. А иногда расстаться бывает не сложнее, чем сдать книгу в библиотеку. Да, было интересно, однако с самого начала понимаешь, что это не твое и будет правильно все закончить в нужный срок.

Но расставание с Миной смахивает на освобождение заложников в банке. Она думала, я буду сопротивляться и умолять? Решила, у меня стокгольмский синдром развился? Ну уж нет, вся сила воли уходит на то, чтобы не вскочить со стула, не выбежать из кафе и не устремиться прочь, весело приплясывая. Именно это и собираюсь сделать, когда Мина уйдет. Впрочем, от пары затейливых коленец лучше воздержаться.

– Ну... вот и хорошо.

Встаем. Мина обнимает меня. Чувствую запах духов – тех же самых, что и тогда, в кабинете. Перед уходом спрашивает, точно ли я в порядке. Уверяю, что да. Единственное, что меня тревожит, – как бы на радостях не упиться до полного беспамятства.

Глава 4

«Фальстафф» – настоящий ирландский паб. В смысле, им владеет настоящий ирландец. Майки Ли О’Мейли родился в Донегале в день, когда умер поэт Брендан Биэн. Возможно, поэтому на двери мужского туалета висит фотография Биэна в обнимку с другом, актером Джеки Глисоном. Женщинам досталась фотография автора «Улисса» Джойса в красном платье (естественно, фотошоп).

Никто не знает, чем занимался Майки до открытия паба. Он каждый раз отвечает по-разному. То был дублером Пирса Броснана в трех фильмах о Джеймсе Бонде. То следил за гитаристом U2 Адамом Клейтоном во время мирового тура, чтобы тот не баловался ни наркотой, ни проститутками. То работал экскурсоводом в Букингемском дворце, попутно стащив королевских безделушек на общую сумму в миллионы долларов. То чуть не победил на Нью-Йоркском марафоне 1988 года, но был дисквалифицирован за то, что воспользовался метро. Или попросту был переброшен британской разведкой после многих лет работы под прикрытием – разрушал изнутри революционную организацию ИРА. Но скорее всего, все гораздо прозаичнее – Майки всего лишь унаследовал парочку бокситовых рудников от отца и решил открыть маленький паб.

Майки – здоровенный детина с черными волосами, поредевшими как-то слишком избирательно для естественных причин, и неоднократно сломанным носом, который, видимо, вправлял человек, не имевший ни малейшего представления о медицине. Так что усомниться в красочных историях Майки смельчаков не находится.

В пабе всего один телевизор. Мне это нравится. Владельцы спортбаров по непонятной причине убеждены, что последнее, чем ты хочешь заняться, – разговаривать со своими спутниками. В каждом углу понатыканы гигантские плазменные экраны, будто в картинной галерее, где слишком мало места. Майки принципиально не включает хоккей, футбол, баскетбол, равно как и все то, что называет «спортом для неженков». Вместо этого в пабе показывают только странное сочетание всех трех вышеперечисленных игр – ирландский травяной хоккей. Ирландцы его обожают, зато у остальных этот вид спорта пользуется не большей популярностью, чем крикет за пределами Англии.

В отличие от других современных пабов, которые прячутся под прикрытием стриптиз-клубов и декор имеют соответствующий, «Фальстафф» находится в особняке, которому сто пятьдесят четыре года. Принадлежало здание местному пивовару, который, по слухам, был убит гангстерами во времена сухого закона, а тело спрятали в бочку в подвале. Поговаривают, что с тех пор в доме обитает привидение, в честь которого назвали один из фирменных сортов пива (бочковой эль «Мертвец Джо»). Здание старое, комнаты нестандартные, коридоры узкие и сходятся под причудливыми углами, полы скрипят, лестницы покосившиеся, туалеты маленькие, и в них дует, провода свисают как попало, все трубы проведены снаружи стен.

А еще в «Фальстаффе» самая лучшая еда и пиво в городе. По выходным вживую выступает какая-нибудь группа. Непременное условие – как минимум один из участников группы должен быть ирландцем или рекомендован ирландцами. Но в будние дни репертуар выбирает Майки, под настроение. Иногда – ван Моррисона, в другой раз Therapy? или U2. Толкаю дверь и вхожу под вой сыплющего ругательствами Шейна Макгоуэна, исполняющего «Бутылку дыма». Моему настроению соответствует идеально, с удовольствием подпел бы, если бы разобрал хоть слово.

Майки стоит на обычном месте, за стойкой, указывает на открытый номер газеты «Донегал дейли ньюс» и спорит с парой постоянных посетителей. Надо думать, о травяном

хоккее. «Фальстафф» популярен среди искушенных студентов и ностальгирующих ирландцев. Сегодня в пабе яблоку негде упасть, гул голосов напоминает жужжание пчелиного роя.

Подхожу к стойке и заказываю пинту напитка, который Майки требует называть исключительно «жидким золотом». Впрочем, возразить нечего – обе жидкости совпадают по цвету, редкости и цене. «Фальстафф» – единственный паб на континенте, где продают «Крепкого Джека». Понимаю, название не ахти, но на самом деле это самый вкусный сидр в истории человечества. Стоит недешево – вдвое дороже среднестатистического импортного напитка. В меню «Крепкий Джек» не указан, знают о его существовании только постоянные клиенты.

Если до кого-то постороннего дойдут слухи и он потребует пинту, сначала придется пройти испытание, по сложности сравнимое с экзаменом на ирландское гражданство. Зная, что я менеджер в книжном магазине, Майки спросил, как зовут жену Стивена Дедалуса из «Улисса». Ответить смог только потому, что ее именем назван паб в моем родном городе.

– Как жизнь? – спрашивает Майки, наполняя мою кружку. – К нам тут один парень заходил. Говорит, твое Лох-Несское чудовище видал.

Забыл сказать, что Майки – любитель всего сверхъестественного и горячий сторонник теории заговора. Кроме прочего, верит, что американцы на Луну не высаживались, Кеннеди застрелился сам, реклама средств от эректильной дисфункции на самом деле представляет собой зашифрованные послания масонам, а Сара Пейлин – робот, сконструированный демократами, чтобы выставить республиканцев полными идиотами (тут я полностью согласен). Майки называет Лох-Несское чудовище «моим», потому что я шотландского происхождения и, по его логике, в ответе за все, что породила моя маленькая нация – включая волынки, хаггис и романтические комедии с Джерардом Батлером в главной роли.

Это проверка. Как-то сказал Майки, что Лох-Несского чудовища не существует. Объяснил, что озеру всего десять тысяч лет и оно не соединяется ни с каким морем. Динозавру было бы очень трудно туда пробраться, особенно учитывая, что последний из них вымер около семидесяти миллионов лет назад. Кроме того, если только мы не имеем дела со старейшим живым существом в мире, придется предположить, что этот зверь каким-то образом размножается. А значит, их должно быть много. К тому же они бы частенько выныривали на поверхность, и посмотреть на них мог бы любой желающий. К тому моменту я уже выпил несколько пинт и начал нести какую-то чушь про температурный режим, плотность воды и так далее и тому подобное...

После этой речи в пинте «Джека» мне было отказано на два месяца. Майки заявил, что бочонок иссяк и надо ждать новых поставок. Но другие постоянные клиенты как ни в чем не бывало распивали «Джека» у меня на глазах, но упоминать об этом не было смысла, иначе я рисковал превратить свой условный срок в реальный.

– Как интересно, – говорю я и подношу кружку к губам. – Твое здоровье.

Майки подмигивает и направляется к перегнувшейся через стойку женщине. Клиентка интересуется, можно ли переключить телевизор – они с друзьями хотят посмотреть хоккейный матч. Майки печально покачает головой и объяснит, что здешний телевизор ловит всего один канал – тот, на котором круглосуточно передают только травяной хоккей. Представляете, какое совпадение? После такого ответа даже самые упорные понимают, что спорить бесполезно.

Беру пинту и направляюсь во второй зал, более укромный, где и обнаруживаю нашу маленькую компанию на обычном месте. Вот Олдос снова что-то проповедует, но, к счастью, из-за шума ни слова не разобрать. Рядом – хорватская секс-бомба из отдела прессы Иванка Урфе. Себастьян как-то на пятнадцать лишних минут застрял в комнате отдыха, наблюдая, как она ест банан. Иванка изучает криминологию в университете Торонто, у нее черный пояс по какой-то очень жесткой бразильской борьбе. Данте привел нового бойфренда, безработ-

ного художника по имени Даг. У Дага своя техника – набрать полный рот краски и выплюнуть на холст, поэтому улыбка у него сверкает всеми цветами радуги. Многих это отпугивает.

Здесь Данте может расслабиться, потому что в ирландский паб его матушку силой не затащишь. Второе такое место – ресторан «Трентино». По неизвестным причинам Лукреция наотрез отказывается поддерживать это предприятие. Бок о бок с Данте сидит Мирослав, искренне недоумевающий, почему из подстаканников не получается сложить домик (ответ – они круглые), а рядом...

О-о...

Леа Дэшвуд.

Уже собираюсь развернуться и дать деру, но Данте успел меня заметить и радостно машет рукой. Улыбаюсь, сжимаю кружку крепче, чтобы не уронить, и бреду к столу, будто зомби. Что она здесь делает? Откуда узнала про это место? Что же я ей скажу? После предложения руки и сердца трудно что-то прибавить.

Отодвигаю единственный свободный стул рядом с Леа. Та с улыбкой заглядывает в мою кружку.

– «Крепкий Джек»?

Киваю. Смысл слов доходит уже потом.

– Что за ерунда! – сердится Леа. – Мне сказали, здесь единственное место в городе, где его продают. Прихожу, а этот тип заявляет, что «Крепкий Джек», видите ли, кончился, заходите месяца через два! Я так расстроилась.

– Да, это недопустимо, – говорю я и поднимаюсь со стула. За такой поступок меня могут отлучить навеки, но пути назад нет. Я должен исполнить миссию или погибнуть.

С самым невинным видом подхожу к стойке и бросаю умильный взгляд на Майки. Тот приближается ко мне, лицо озадаченное и подозрительное.

– Чего тебе?

– Э-э... можно еще пинту жидкого золота, дружище?

Майки хмурит брови.

– Только не говори, что уже всю первую выдул.

Мы оба знаем, что это невозможно. Если бы я опрокинул пинту «Крепкого Джека» за полторы минуты, то не просил бы вторую, потому что сейчас меня бы сдали в лабораторию на опыты. По уровню крепости «Крепкий Джек» где-то между спиртом для растирания и чистым спиртом. Напитки такого рода следует смаковать. Принести «Крепкого Джека» на студенческую вечеринку – все равно что снабдить террористов обогащенным ураном.

– Э-э... нет... – бормочу я. – Это для... н-ну... друга...

Майки пронзает меня острым, как нож, взглядом:

– Не получится, опять все закончилось. Через два месяца приходи.

Бессильно падаю на стойку.

– Да! Да! Я все понимаю, но отказать не могу! Эта женщина...

– Женщина, говоришь? Ну, тогда «Крепкий Джек» только через год появится.

– Нет, Майки, это не то, что ты подумал.

А что это? Леа помолвлена. Неужели всерьез надеюсь отбить ее у жениха при помощи пинты крепкого сидра? Ну а что, начало неплохое.

– Она очень хочет попробовать. Узнала, что это чуть ли не единственное место в стране, где можно достать «Джека». А когда ты заявил, что он закончился, бедняжка просто в отчаяние пришла.

– Это кто же ей такое сказал?

Качаю головой. Первое правило клуба любителей «Крепкого Джека» – никому не рассказывать о «Крепком Джеке».

– Не я точно. Только сегодня ее встретил.

– Ну, эта-то хоть не замужем? – спрашивает Майки.

И как он все про всех знает? Ни разу не приходил сюда с Миной, разве что в общей компании.

– Пока нет, но помолвлена.

– Да, умеешь ты приключений на свою задницу найти, парень. Следи за хозяйством, а то как бы хуже не было.

– Да, все понимаю. Но, видно, я неисправим.

– Значит, которая твоя? Рыжая?

– Да.

Майки наливает пинту и протягивает мне. Хочу заплатить, но он только отмахивается:

– Бессмертной душой расплатишься, грешник окаянный.

Опуститься на колени с кружкой не могу, но всем своим видом демонстрирую смирение.

– Благодарю, святой отец.

Беру пинту и шагаю обратно к столу и тут замечаю, что мое место занял толстый парень с коротким ежиком на голове. На меня даже не оглядывается – все внимание поглощено гигантской тарелкой куриных крылышек. По отвислым щекам и футболке с надписью «Продавец смерти» размазан красный соус. Футболка, надо сказать, весьма изысканная, ее украшает тонко выполненное графическое изображение женщины с крупной грудью, в одной руке у красавицы – пулемет-миниган, в другой – многоствольный гранатомет. Рядом с тарелкой высится горка костей. Чувствую, будто забрел в нору к медведю-людоеду.

У Леа загораются глаза.

– Ой, вы достали! – радостно восклицает она, когда я протягиваю ей пинту.

Толстяк не поднимает глаз от тарелки и вообще с места двигаться не намерен. Приходится искать новый стул. К счастью, компания студентов как раз отправляется гулять дальше в клуб, и я похищаю один из их стульев. Олдос подвинулся, и я кое-как подбираюсь к столу и поскорее отодвигаю собственную пинту подальше от троглодита, пока тот не заглотил ее с той же скоростью, как и все остальное в пределах досягаемости.

Леа делает большой глоток и ошеломленно моргает.

– Вот это да!

– Простите, что не предупредил – с «Джеком» надо поосторожнее, – говорю я.

– Пробовал один раз, – хрюкает монстр. – Так себе.

– Ой, забыла представить жениха, – спохватывается Леа и указывает на великана-людоеда: – Гровер Уэтстон. Работал в «Гугл».

Великан чуть-чуть приподнимает голову и кивает. А может, это и не кивок вовсе. Может, в мясе жила попалась. Рад, что не придется пожимать этому типу руку.

– В «Гугл»? – переспрашиваю я, делая большой глоток «Джека». Обычно пью меньше, но сейчас мне это необходимо. – Впрочем, чему удивляться. Сразу видно, вы прекрасно умеете искать.

Гровер бросает на стол очередную кость.

– Смешно, – произносит он без тени улыбки.

Повисает пауза. Остальные гадают, как себя вести. Видимо, хотят сделать вид, будто Гровера здесь нет. Но я не намерен бросать тему.

– А сейчас чем занимаетесь?

– Свою фирму открыл, с другом, – отвечает он между двумя порциями. – Лишнего болтать не хочу, но, когда откроемся, «Гугл» в трубу вылетит. Как раз виртуальные каналы формируем. Даже если моя Джулия Робертс в звезды не выбьется, заживем как в Голливуде.

Отпиваю еще. Не понимаю, почему до сих пор теряюсь, сталкиваясь с хамами вне рабочего места. Казалось бы, практики хоть отбавляй.

– Слыхали, что девяносто пять процентов всех денег всего пяти процентам актерской гильдии достается? – продолжает Гровер. Уж не знаю, как мы должны реагировать на эти ценные сведения. – Короче, трата времени.

Гровер мотает головой и самодовольно ухмыляется, щеки трясутся, как желе. Украдкой поглядываю на Леа, та лишь глаза закатывает. Да что она вообще нашла в этом субъекте?

– Простите, – переспрашиваю я, – что – трата времени?

Гровер пожимает плечами:

– Если на этом не заработаешь, какой смысл мараться?

Смеюсь.

– Повезло нам, что Ван Гог не рассуждал, как вы. Или Моцарт. Или Фрэнк Ллойд Райт. Или Бергман. А иначе весь мир был бы похож на Восточный Берлин до падения Стены.

Понимаю, что зря сотрясаю воздух, но не могу удержаться. У подобных типов к искусству стойкий иммунитет. Можно привязать его к стулу, как Малькольма Макдауэлла в «Заводном апельсине», и заставить слушать Девятую симфонию Бетховена или смотреть «Земляничную поляну», но единственная реакция, какой добьешься, – его будет от всего этого тошнить. Вот он, типичный заводной апельсин.

– Да бросьте, – отвечает Гровер. – Просто это все деньги приносит, а то давно бы уже забыли.

Начинаю злиться. Хотя не следовало бы.

– Ах вот как? И в какую же сумму в долларах вы оцените «Седьмую печать»? А «Гамлета»? А «Любовь во время холеры»? Или Девятую симфонию? Как определите их вклад в культуру в денежном выражении?

Гровер только отмахивается, забрызгав соусом груди и пулемет девицы на футболке.

– Да я про сегодня говорю, а не про сто лет назад. Вы, интеллигенты, вечно выпендриваетесь, думаете, главное всех. А знаете, что на самом деле важно? Мосты. Туннели. Электричество всякое. Радио. Без всего этого общества не бывает. Можно жить без Бетховена? Еще как. Уже лет восемьсот без него обходятся, и ничего.

Поворачиваюсь к Леа:

– Потрясающе! И как же вы отыскиали этого человека эпохи Возрождения?

Леа вздыхает и отставляет пинту. Такое чувство, будто принес ее из эпического странствия в духе «Властелина колец», а теперь мой дар попросту выплеснули на пол.

– Познакомились в университете. Хотите верьте, хотите нет, но я когда-то изучала программирование.

– Хреновый из тебя был программист, – бурчит Гровер.

– Что правда, то правда, – соглашается Леа. – Вылетела бы после первого же семестра. Спасибо, Гровер выручил. У меня было хорошо с математикой, вот родители и твердили, чтобы поступала туда. Ну, я и поступила. Глупая была идея. Только зря год потратила.

Беру пинту. Чем дольше гляжу на этого Уитстона, тем больше прихожу к выводу, что, если Бог все-таки есть, Он, видно, любитель шуточек в садистском стиле. Хорошо, хоть «Крепкого Джека» не лишил.

– А потом что делали? – спросил я.

– Университет бросила. Поступила в театр импровизаций. Но ничего из этого не вышло. Мне надо заранее знать, что говорить, тогда я могу подготовиться и все сделать правильно. А эти импровизации – русская рулетка какая-то. Потом играла в двух маленьких труппах, и вот там мне понравилось. Только что с гастролей вернулась, пока работы нет. Правда, скоро у меня прослушивание для рекламы!

Гровер фыркает:

– Хороша работа – сумки для сэндвичей рекламировать.

Безумно хочется ему врезать, но ограничиваюсь убийственным взглядом. Если бы глазами можно было обжигать, с него бы уже кожа слезла. Поднимаю кружку.

– Поздравляю! За успешное прослушивание!

Остальные радостно присоединяются. Леа застенчиво улыбается и повторяет: «За успешное прослушивание».

О боже! Боюсь, у меня серьезные проблемы.

Глава 5

В воскресенье меня подменяет Данте, так что я весь день предоставлен сам себе. Одинокого человека большое количество свободного времени пугает. Хуже всего завтрак, обед и ужин. Ненавижу есть один. Не знаю почему, но при одной мысли о том, чтобы готовить самому себе, а потом сидеть на крошечной кухне и машинально отправлять ложку в рот, депрессия начинается.

Под влиянием момента решаю, что торчать дома и делать генеральную уборку – не вариант. Вместо этого отправляюсь в Художественную галерею Онтарио и провожу очень приятный, пусть и несколько утомительный день, осматривая постоянную экспозицию и фотовыставку Робера Дуано – последнюю за отдельную плату. Музеи и галереи чем-то похожи на книжные магазины – здесь так же тихо и спокойно. Вроде находишься среди людей, но разговор поддерживать не надо. В этом смысле музеи – прямая противоположность вечеринок и клубов. Я не против вечеринок – при условии, что знаком с большей частью приглашенных, – а вот клубы не люблю. Танцевать не умею, орать людям в уши не люблю, а как подступиться к незнакомой женщине, понятия не имею.

После галереи иду в «Энрико» и беру обед навынос. Этот итальянский ресторан – мое любимое место для свиданий, но одному тут есть некомфортно. Сидеть за столиком в окружении парочек – значит вносить в атмосферу заведения диссонанс. Все равно что явиться к зубному врачу в плавках. По дороге домой покупаю вино, «Вальполичелла Рипассо» – то, что надо к цыпленку «Пармезан». Собираюсь употребить оба продукта, сидя на диване за просмотром фильма – или «Типа крутые легавые», или «Скотт Пилигрим против всех», что-то в этом роде. Хватит на сегодня высокой культуры. Я честно заслужил право расслабиться.

Жить одному вполне комфортно. Можно уходить и приходить когда захочешь. Можно читать хоть целый день, не считая коротких вылазок на кухню и в туалет (один раз так и сделал, когда вышла последняя книга про Гарри Поттера). И вообще, дома тихо и спокойно. Квартира у меня семьсот пятьдесят квадратных футов, с одной спальней, без права на перепланировку, на третьем этаже бывшего масонского храма. Электроснабжение и водопровод оставляют желать лучшего, зато у этого здания есть свое лицо, в отличие от конструкций из стекла и стали, которые в последнее время вырастают как грибы после дождя.

Привычка к одиночеству – вещь не врожденная, а приобретенная. Многие мои знакомые испытывают перед ним патологический страх. Себастьян, например, одновременно зарегистрирован на пяти сайтах знакомств и даже составил электронную таблицу, куда заносит информацию обо всех своих дамах – чтобы ничего не перепутать. Записывает, где они живут, где работают, какие анекдоты он им уже рассказывал и про что соврал, оценивает уровень внешней привлекательности, отмечает, видел их обнаженными или нет и устраивал ли совместный просмотр «Человека, который хотел быть королем» (любимый фильм Себастьяна). В общем, миллион подробностей. Пожалуй, в Excel он проводит больше времени, чем в обществе самих женщин.

Себастьян уговаривает меня последовать его примеру, но я в некоторой степени технофоб. Компьютер у меня есть, но старый. Купил шесть лет назад, по меркам высоких технологий это эпоха палеолита. Пользуюсь им для того, чтобы отправлять и получать письма. Но такое чувство, будто сейчас электронной почтой никто не пользуется – все общение происходит через социальные сети. Что касается мобильной связи, тут я держался стойко и приобрел телефон всего полгода назад, и то потому, что с городским были проблемы – линия барахлила. Телефонная компания объявила, что проблема не в них, а в нашем здании, предложила разобраться за пятьсот долларов. В ответ объяснил, куда они могут засунуть свое любезное предложение. Мой мобильный телефон – это просто телефон, и все. Не подсоеди-

нен к Интернету, не оснащен фотокамерой, зато с его помощью нельзя узнать, какие кафе я предпочитаю (кто только придумал чекиниться?..) и сколько государственных тайн выложил на сайт WikiLeaks.

Только не подумайте, будто я враг прогресса. Просто современные технологии развиваются так быстро, что за ними не угнаться. Моя стратегия – дожидаться, чтобы предмет действительно показал себя как вещь нужная и полезная, а не как очередной дорогой остро-модный аксессуар. Почти вся моя музыка до сих пор на дисках. Фильмы на компьютере не смотрю – впрочем, не из принципа, а из-за маленькой скорости. Когда кино загрузится, все равно уже пора будет переезжать в дом престарелых. Книги читаю только на бумаге.

Одно время поговаривали, что ридеры вытеснят с рынка маленькие магазины вроде нашей «Книжной лавки», но пока никаких признаков этого не чувствуется. Наоборот, в этом году по сравнению с прошлым продажи у нас выросли. И это прекрасно – печально было бы осознавать, что через какие-то десять лет места, подобные «Книжной лавке», исчезнут. Хотя к тому времени, вероятно, закончится нефть и растают ледники, а те части планеты, которые не уйдут под воду, будут населены племенами варваров, разъезжающих на вездеходах на солнечных батарейках и воюющих за газовые месторождения.

Только усаживаюсь обедать, и вдруг раздается звонок в дверь. Открываю и выпускаю Себастьяна. Тот едва переводит дыхание и выглядит еще более встрепаным, чем обычно. Наливаю бокал вина, который Себастьян опрокидывает залпом, и предлагаю поделиться ужином, но от цыпленка друг, к счастью, отказывается.

– Прости, что без приглашения, приятель, – говорит Себастьян. – Но ситуация была безвыходная.

Наливаю еще вина.

– Все нормально, друг. Чем могу помочь?

Садимся за кухонный стол, и я берусь за свой обед.

– Н-ну... – начинает Себастьян. – Для начала должен сделать чистосердечное признание. Я переспал с Миной.

Выплываю капеллини с соусом маринара. К счастью, попадаю в тарелку, а не себе на колени.

– С кем?!

– Знаю, все знаю. Я и сам не собирался, просто так получилось.

– Когда?

– Вчера. И позавчера. А в первый раз – недели две назад.

Недели две?!

– А как же твоя губастенькая?

– Извини, эту историю я придумал. Ты был не в настроении, вот и решил тебя рассмешить.

Себастьян ничего не знает о нашем с Миной... э-э... эпизоде. Не знаю, почему не сказал. Постеснялся, наверное. Психологические проблемы Мины для всех остальных не секрет.

– Что ж ты раньше не сказал?

– Если не ошибаюсь, ты, мой друг, тоже хранил в секрете свои амурные приключения с этой прекрасной дамой.

Мина рассказала, не иначе.

– Туше.

– Но проблема не в тебе, – продолжает Себастьян. – Проблема в муже.

– А что с мужем? – уточняю я. – Мина говорила, он вроде в Афганистане.

Себастьян кивает:

– В Афганистане. *Был. Был* в Афганистане.

Вилка застывает на полпути ко рту.

– Он что, вернулся?

Себастьян кивает, подходит к окну и, спрятавшись за занавеской, осторожно выглядывает на улицу.

– В том-то и дело, что никто не знает. Он сбежал, или дезертировал, или как там это у них называется. Короче, у парня крыша съехала. Совсем. Мина ему сообщила, что полюбила другого. А он, похоже, с катушек слетел и с тех пор исчез. Прихватил с собой кое-что из оружия и детали для взрывных устройств.

– Ничего себе! И давно ты эту новость узнал?

Себастьян отходит от окна.

– Вчера вечером, после работы. Всю ночь под матрасом в отеле «Дулут» прятался. Зарегистрировался под именем Хуан Эспаньол.

– Но муж ведь не знает, что другой – это ты?

Себастьян догадывается, что этот вопрос интересует меня не только по причине тревоги за друга, но также из более эгоистичных соображений.

– Кто знает, что она могла написать? Это же Мина! Вдруг тайком отксерила мои права и отправила ему? Или твои! Или оскароносного режиссера Сэма Мендеса! Да эти двое, видно, потому и сошлись, что у обоих не все дома! А знаешь, что самое приятное? Мина мне про побег мужа прямо в постели рассказала, во время сам знаешь чего! Сразу весь энтузиазм как ветром сдуло, как у Соединенных Штатов с Сомали! Вот что я тебе скажу, – объявляет Себастьян. – Теперь я вне закона. Подамся в бега. Прощайте! Теперь я свободен как птица.

Пытаюсь вклиниться:

– Расслабься! Что возьмешь с сумасшедшего? Наверняка ведь прячется где-нибудь в туалете с армейским журналом и надувной куклой. Да ему с базы не выбраться, не то что из Афганистана!

Себастьян качает головой:

– Ошибаешься, он не просто сумасшедший. Он сумасшедший из спецслужб! Тайком провозит оружие в страну, убивает неугодных, всяким суперсекретным дерьмом занимается! Он может быть где угодно! Может, ты – это на самом деле он! Или я – на самом деле он! Или мы оба – он! Как в фильме «Нечто», когда там база взрывается и Курт Рассел с тем другим парнем смотрят друг на друга!

Наливаю Себастьяну еще вина и велю пить до дна. Надеюсь, он не за рулем.

– Главное – прекрати панику.

– Это еще почему? Хочу и паникую, у меня уважительная причина! Знаешь ли, когда на тебя нацелился универсальный солдат-психопат, это абсолютно нормальная реакция!

– Не забывай, с кем имеешь дело. Мина и присочинить могла, с нее станется. Может, ее муж и не отморозок вовсе. Может, он каждую весну соседям лужайки стрижет. А может, она его вообще выдумала.

Себастьян задумывается.

– Хмм... Вполне вероятно. У Мины в квартире ни одной его фотографии не было. Сказала, муж не любит, когда его снимают.

– Что, вообще никакой фотографии? Даже свадебной?

– Ты учти, зачем я пришел. Вот мы раздеваемся, предаемся плотским утехам, а я требую, чтобы мне сначала фото со свадьбы показали? Ну нет, мало того что это извращение, так еще и от дела отвлекает.

– Справедливо. Ну, что будешь делать? Порвешь с ней?

– Или я порву с Миной, или муж порвет меня. Только надо потактичнее, чтобы не обидеть. Мина мне уже двести девяносто четыре письма отправила. Весь ящик под завязку забила.

– Да ладно! Сколько-сколько?

– Ну хорошо, преувеличиваю. Одно письмо было от дантиста – напоминал, что я на вечер записан. Только вечером я уже под кроватью в незнакомом отеле прятался. Нет, Мину злить нельзя, а то как бы мужу чего не сболтнула. Чего доброго, выдумает, будто я ее принудил силой и грязно надругался.

– Просто скажи, что лучше не встречаться, пока ее муж... э-э... на свободе.

Себастьян глубокомысленно поджимает губы.

– Продолжай.

– Скажи, что вам обоим нужно время, чтобы осмыслить ситуацию. Мол, пусть страсти улягутся. И не звони ей. А потом она сама найдет себе кого-нибудь другого, а про тебя и думать забудет. И дело в шляпе. Единственное, что тебе нужно, – алиби, и тут я тебя выручу.

Мы часто шутили, что вместе откроем агентство фальшивых свидетелей. Нет алиби? Нужен человек, видевший, что в аварии виноваты вовсе не вы, а другой водитель? Необходимо доказать, что вы никак не могли изменить жене и в отель ездили на очень важное мероприятие по тим-билдингу, а вовсе не для того, чтобы в номере 425 весело провести время в компании звезд фильмов для взрослых и секс-игрушек последнего поколения? Не проблема, мы поможем!

Всего за пятьдесят баксов получите свидетеля, готового очень убедительно поклясться на любом священном тексте на ваш выбор, что вы невинны как младенец. Конечно, подобная деятельность незаконна и подрывает основы законодательной системы и самой демократии, зато можно по-легкому срубить пятьдесят баксов.

– Так и знал – не зря меня к тебе ноги понесли! – восклицает Себастьян. – Восхищаюсь твоей мудростью.

Но тут Себастьян снова мрачнеет.

– Мина про меня ничего не говорила?

Бросаю на него подозрительный взгляд.

– Что, например?

Себастьян смущенно ерзает:

– В общем, один раз... В свое оправдание могу сказать, что один выдул целую бутылку «Тэттинджера». Мина сделала глоток и тут вспомнила, что не пьет его! Из-за этого «Тэттинджера» я предложил нечто такое, что может показаться хорошей идеей только людям в состоянии расширенного сознания, о таких вещах не пишут ни в эпических поэмах, ни в великих сонетах, ни в...

– Нет, Мина ничего подобного не рассказывала.

– Слава богу. Извини, что помешал обедать. – Себастьян указывает на эмблему DVD на экране телевизора. – Что смотреть собирался?

– «Типа крутых легавых» или «Скотта Пилигрима».

– Круто! – Себастьян вскакивает. – Одну секунду, только за пивом сбегаю! Без меня не начинай.

Себастьян исчезает за дверью. Ну что ж, вот и компания к обеду.

Глава 6

Оказалось, Леа уже работала менеджером в книжном магазине. Вернее, ассистентом менеджера – полтора года в Америке в одном из крупных сетевых магазинов, пока ее компьютерщик-неандерталец трудился на ниве поисковых систем. Так что учить Леа не надо, просто представляю ее коллегам.

Начинаем с кассы. Как ни прискорбно, приходится познакомить Леа с Лолитой Хэвишем. Лолита страдает обсессивно-компульсивным расстройством, кроме всего прочего выражающимся в страхе перед микробами. На то, чтобы приступить к работе, Лолите требуется как минимум двадцать минут – кассу она протирает три раза, вынимает каждый лоток, пересчитывает мелочь четыре раза, а потом дезинфицирует все в радиусе двух метров антибактериальным спреем собственного приготовления. Данте мирится со всем этим только потому, что у Лолиты каждый пенни на счету. Зато другие кассирши ее недолюбливают. За спиной прозвали ЛОЛ – Ржу Нимагу. Причем бесит коллег не только Лолитина медлительность и обстоятельность. Хорошими манерами Лолита не обременена и начинает жаловаться на человека в его же присутствии.

У Лолиты странный голос, механический – будто станцию в метро объявляет. Сама себе делает неровную, но задорную короткую стрижку (кстати, Лолита блондинка). Глаза навывкате, будто вот-вот выскочат – и прямо на тебя.

Леа здоровается и хочет пожать Лолите руку, но та в испуге отпрянула. Ругаю себя, что не предупредил заранее, но до этого ни с кем Лолиту знакомить не приходилось.

– Я руки не пожимаю, – с места в карьер объявляет Лолита. Ни тебе «здравствуйте», ни «приятно познакомиться». – Знаете, сколько болезнетворных микробов переносит средний человек только под ногтем правого указательного пальца? Да это все равно что прийти к вам домой и руку в унитаз сунуть!

– Ой, извините!

Леа смущенно опускает собственную руку. Грустно улыбаюсь и демонстративно закрываю глаза, давая понять, что объясню потом. Хочу, чтобы первый день Леа прошел удачно.

Странная штука – рукопожатие. Некоторые – в основном спортивные ребята и старики, не понимающие, что бабочку уместно надевать только в одном случае, со смокингом, – рассматривают рукопожатие не как простое приветствие, а как повод помериться силой, физической или силой воли. Даже неудобно прерывать рукопожатие, когда другой человек изо всех сил стискивает твою руку и отказывается отпускать, желая что-то этим доказать. Что именно – никогда не понимал. Что он не слабак? Что при Эйзенхауэре жилось лучше? Загадка.

– Мина вчера оставила кассу в ужасном состоянии, – сообщает Лолита. – Перепутала местами два лотка, а в конверте для купюр я наткнулась на скрепку!

Какой кошмар, думаю я. Необходимо расследовать злодеяние.

– Спасибо за информацию, ЛОЛ... ита.

Чуть по прозвищу не обратился. Раз в пятидесятый, не меньше. К счастью, оговорку легко исправить. Хорошо, что ее Шреком не прозвали. А что, была бы зеленая – вылитый Шрек получился бы.

С Олдосом Леа уже знакома, поэтому сразу идем наверх, где представляю ее Матери Терезе.

– Какая милая девушка! – восклицает Мать Тереза, с энтузиазмом пожимая Леа руку, будто нарочно стараясь и за себя, и за Лолиту. – Кажется, я вас где-то видела... Вы очень похожи на одну прихожанку из моей церкви. Вы, случайно, не входите в Собрание Избранных?

Мать Тереза часто так делает. Ей кажется, что это очень хитрая уловка. Понимает, что нельзя спрашивать в лоб, католик твой собеседник, мусульманин или член какого-нибудь экзотического братства, поэтому подходит издалека, притворяясь, будто приняла за знакомого.

Леа качает головой:

– Нет. Мои родители поклонялись Посейдону. Раз в месяц мы садились в лодку, выплывали на середину озера и жертвовали козу. Ну, как жертвовали? Видите ли, по закону запрещено убивать коз в лодках, поэтому просто брали просроченное мясо и выбрасывали за борт. Ничего, работало.

Мать Тереза на секунду теряется, потом разражается смехом:

– Ха-ха! Посейдону! Надо же такое придумать!

Да уж, думаю я. По сравнению с ее верованиями Посейдон – детский лепет. Простой пример – когда политик пытается чего-то добиться и торжественно произносит «Бог на нашей стороне», попробуйте вместо «Бог» подставить «Тор», «Зевс» или «Амон Ра». Смешно? Конечно, смешно. Потому что смешная часть фразы никуда не девается – «на нашей стороне».

Леа говорит, что за выходные проанализировала полученную от Данте информацию по использованию полезной площади отдела и ей не терпится обсудить с Матерью Терезой изменения, которые необходимо внести.

– Секцию детской религиозной литературы разумнее будет сократить процентов на восемьдесят, – тихо произносит Леа, когда мы спускаемся по лестнице. – Этот сектор приносит примерно полтора доллара на квадратный фут, а романы для подростков – почти в сто раз больше, но у вас им отведено вдвое меньше места.

– Ну-ну, удачи, – отвечаю я. – Она против тебя охоту на ведьм объявит.

Наконец заходим в отдел поставок. Заведующий, Уиллард Курц, спорит с Иванкой, кто из супергероев победил бы в схватке один на один – Супермен или Зеленый Фонарь. Хотя спорит – не очень подходящее слово. Курц высказывает свое мнение, а Иванка преспокойно заполняет документацию, потягивает кофе и притворяется, будто ничего не слышит. Задача, прямо скажем, не из легких.

– А ты как думаешь? – ткнув в Леа пальцем, спрашивает Курц, едва мы переступаем порог.

Леа пожимает плечами:

– Ну, если Зеленый Фонарь будет без кольца, ему крышка. А если нет, то у него есть шанс.

Любовь Уилларда к Супермену широка, глубока, нездорова и глуха к доводам рассудка. Я как-то был в его квартире. И на постельном белье, и на занавеске в ванной – везде Супермен. Где-то раздобыл полный набор кружек с Суперменом, которые недолгое время продавали в качестве сувенира в ныне обанкротившейся австралийской закусочной. Чистит зубы щеткой с Суперменом, причесывается расческой с ним же. Даже пользуется помадой для волос серии «Супермен», срок действия которой истек году в сорок втором. От волос Уилларда воняет, как от дизельного двигателя с паройдохлых крыс внутри. Видимо, именно благодаря этому волшебному средству ирокез Уилларда застыл, как каменный. За два года ни один волос не шевельнулся. Вдобавок не похоже, чтобы они у него росли. Возможно, в ядовито-зеленом цвете ирокеза тоже следует винить помаду. Она же, скорее всего, стала причиной неврологического расстройства, благодаря которому Уиллард может двадцать четыре часа без перерыва смотреть жесткое порнографическое аниме.

Подозреваю, нежная привязанность Уилларда к Супермену объясняется тем, что оба они – усыновленные дети. Мать Уилларда лишили родительских прав, когда ему было два года, потом еще пару лет кочевал по детским домам, пока наконец не очутился в добропоряд-

дочном семействе представителей верхушки среднего класса. Но даже их абсолютная нормальность не смогла подавить природные задатки, и в старших классах Уиллард начал медленно, но верно съезжать с катушек.

Уиллард – отец двухлетней дочери по имени Ворон. Девочку так называли, потому что родилась с черными волосами, которые с тех пор превратились в светло-золотистые. Уиллард работает на двух работах, вторая – на кухне сербского ресторана. Мама Ворон – танцовщица и массажистка в клубе рядом с аэропортом, но пытается получить аттестат зрелости, чтобы выучиться на юриста. Когда Уиллард рассказывает про свое житье-бытье, радуюсь, что родители заставили меня получить высшее образование.

Сначала мы взяли Уилларда продавцом, но покупателей отпугивал его бурный энтузиазм, когда дело касалось фэнтези и научной фантастики. Данте перевел Уилларда в отдел поставок, и там он чудесно устроился.

В свободное от двух работ время Уиллард пытается реализовать себя как музыкант. Он – фронтмен группы под названием «Смерть в Ван-Найсе», играют калифорнийский ска-панк, смешанный со спэйс-металом. Средняя песня длится около восьми минут. Учитывая, что большинство из них исполняется со скоростью сто шестьдесят четыре бита в секунду или быстрее, это невероятно долго. Группа потеряла пять барабанщиков из-за травм связок различной степени тяжести и наконец остановилась на драм-машине. Уиллард утверждает, что аудитория у них небольшая, но преданная. Побывав на одном из концертов, выяснил, что преданная аудитория состоит из звукорежиссера и не сумевших отвернуться друзей.

– Ну, что я говорил! – радуется Уиллард. – Супермен растопит кольцо тепловым зрением и надерет Фонарю зеленую задницу!

Вскидывает ладонь, чтобы Леа «дала пять», что она и делает.

– Ты вроде актриса?

– Да, – кивает Леа. – Вернее, пытаюсь пробиться.

– Я тоже как-то пробовал, – говорит Уиллард. Он про все так отвечает. – Пару лет назад снимался в независимом кино, играл роль главаря байкеров-зомби. Называлось «Гонщики из ада». А фишка была в том, что нам надо было превратиться обратно в людей. Вот мы и ездили, искали противоядие от вируса. А вирус разработала злобная корпорация, которую на самом деле основали инопланетяне. Вообще-то я там не с самого начала главарем был. Меня выбрали, когда первого главаря гигантское растение сожрало.

– Погоди-ка, – произносит Леа. – По-моему, я этот фильм смотрела! Он, кажется, на фестивале в Сакраменто шел!

У Уилларда сразу глаза засияли.

– Да, мы там показали первые пятнадцать минут, чтобы собрать денег на остальное!

– То-то мне твое лицо знакомо, – продолжает Леа. – У тебя там металлический штырь из щеки торчал, да?

Уиллард энергично кивает. Не знаю, понимает Леа или нет, но она только что приобрела друга на всю жизнь.

– Мой герой раньше был ученым-атомщиком, а когда началось инопланетное вторжение, у него в лаборатории реактор взорвался, и в щеку воткнулась эта радиоактивная железка. Классная идея – он ведь может ее выдергивать и использовать как оружие! А какой мы отпадный финал придумали! Я врываюсь в здание, чтобы добыть противоядие и спасти человечество, а для этого надо сразиться с двумя сотнями инопланетян! Я даже специально борьбой занимался.

Иванка фыркает.

– Да ты ногу подвернул, когда простейший удар с разворота освоить пытался! Потому я и отказалась тебя учить – боялась, как бы не сломал себе что-нибудь.

– Она просто завидует. У меня отлично получалось, – шепчет Уиллард.

Иванка встает.

– Да что ты говоришь! Может, поборемся?

– Расслабься, я пошутил! – Уиллард начинает юлить, будто сенатор, к которому вместо проститутки прислали переодетую сотрудницу полиции.

Иванка улыбается и садится обратно за стол. Формально Уиллард заведующий, но фактически вся власть здесь принадлежит сектору прессы в лице Иванки.

– И как, досняли фильм? Удалось собрать деньги? – спросила Леа.

– Не-а, – вздыхает Уиллард. – Зато снялся в классной сцене боя! Я там собственную руку поджигаю. Меня обмазали какой-то специальной пастой, чтобы ожогов не было, но наш гример что-то там неправильно смешал. Только рукой махну – горящие комья во все стороны летят. Круто! Одно плохо – получил ожог второй степени, всю татуировку испортил. И другому актеру очки расплавил.

– Искусство требует жертв не только от Уилларда, но и от окружающих, – прибавил я.

Потом показываю Леа, как работает система пополнения ассортимента и заказов. В ее прежнем магазине все было намного современнее, зато у нас придется иметь дело с гораздо меньшими числами, а значит, последствия ошибок будут не столь серьезны.

– Как-то нажала на «ноль» вместо «стереть» и случайно заказала триста экземпляров самоучителя работы на компьютере вместо тридцати, – рассказывала Леа. – Повезло, что издание оказалось новое, а не старое, а то назад бы не приняли.

– Какая же это удача? – возражаю я. – Это сообразительность! Нам как-то прислали тысячу экземпляров автобиографии Ким Кардашьян. Пришлось целый стеллаж отвести. Потом сказали, что ошиблись, но, наверное, просто хотели поскорее сбавить. Ни разу не слышал, чтобы Данте так ругался!

– Почему? Не любит сестер Кардашьян?

– И это тоже. А еще Уиллард книги ему на ногу уронил. В кои-то веки у Данте появилась уважительная причина не ходить на свидание, которое ему мамочка устроила.

– Мама устраивает ему свидания?

– Не спрашивай, долгая история.

– А она знает, что он гей?

– Мама Данте из крошечной деревушки в Калабрии. Там, если вдова после смерти мужа не носит черное до конца своих дней, ее побивают камнями.

Не успел договорить, как в кабинет вошел Данте.

– Как проходит обучение? – спросил он.

– Хорошо, – ответила Леа. Кажется, хотела что-то спросить о матери Данте, но быстро передумала. Она только начала работать и пока не знает, как Данте реагирует на сочувствие.

Он снимает пальто и, как всегда, набрасывает на спинку стула.

– Вот и отлично. Наконец можно устроить полноценное собрание с участием всех менеджеров. Ну, кроме Мины. Она до сих пор болеет, но надеется, что к вечерней смене оправится.

Главный кассир обычно присутствует на собрании менеджеров, но последнее произошло так давно, что я совсем позабыл об этой маленькой детали. Данте достает из ящика стола жвачку и начинает энергично работать челюстными мышцами, будто разминает их перед подъемом на Эверест.

– Итак, первый вопрос на повестке дня – «Умекс» увеличил сумму, которую предлагает за здание.

Я откидываюсь на спинку стула и бормочу грязное ругательство. Леа растерянно переводит взгляд с меня на Данте.

– А что это – «Умекс»?

– Гигантский холдинг, – поясняю я. – В него входит и наш злейший враг, «Итерация». Хотят скупить квартал, снести все здания и построить очередной идиотский торговый комплекс, а в нем, среди прочего, планируется открыть огромный книжный магазин наших конкурентов.

– Вот именно, – кивает Данте. – Здание принадлежит Синтии и Марти Акерман, это они основали «Книжную лавку» более тридцати лет назад.

– Неужели владельцы хотят продать магазин? – пугается Леа. Да, неприятно узнать, что вот-вот потеряешь работу, которую только нашла.

– Проблема даже не в этом, – возражает Данте. – Несколько лет назад у Марти случился инсульт, и с тех пор он считает, что каждый день – седьмое июня 1976 года. Он сейчас в лечебном центре, но сам думает, что в клубе – там даже в покер играют. Синтия ни за что не продаст здание, сколько бы ни предложили, но и у нее здоровье уже не то. В прошлом году сломала бедро и с тех пор поговаривает о переезде в Орландо: мол, зимой там льда меньше.

– Если это случится, – подхватываю я, – магазин перейдет под контроль к их детям, а те к магазину никаких родственных чувств не испытывают, за новый айфон и ящик пива в секунду продадут.

Детей у Акерманов двое – Уолтер и Мод. Уолтера исключили из двух университетов. Из первого – за то, что появлялся на занятиях пьяным, из второго – за то, что вообще на них не появлялся. В прошлом году уехал в Индию «искать себя», но, видимо, не нашел и вернулся обратно без вещей и денег. С тех пор живет в подвале у матери, основное занятие Уолтера – с нетерпением дожидаться, когда родители наконец прикажут долго жить. Мод – существо бездушное и бессердечное. Впрочем, другие люди юристами с Бэй-стрит не становятся. Работает часов сто пятьдесят в неделю, считает преданность родителей делу жизни «старческой причудой». Я ее встречал и даже не сомневаюсь – данная особа с радостью объявит родную мать недееспособной, если с этого можно будет что-то поиметь.

– Волноваться не о чем, – произносит Данте. – Синтия крепкая. Еще сто лет проживет.

На самом деле он сам в это не верит, и я тоже, но другой надежды у нас нет. Бедная Леа, тяжелый выдался первый день – одержимая чистотой гермофобка, фанатичная сектантка, панк-зомби, а теперь еще и неприятная перспектива остаться без работы.

– А сейчас поговорим о вещах более приятных. К Рождеству надо организовать праздник, – говорит Данте.

Сезонный рост продаж начинается на следующий же день после Хеллоуина, поэтому мы, несчастные работники торговли, можем позволить себе устроить выходной и отпраздновать Рождество либо в последние две недели ноября, либо в начале февраля, ведь сразу за Рождеством следуют распродажи. Так что гуляем всегда в ноябре. Лучше напиться перед праздничным сезоном, иначе нам его просто не пережить.

– В «Фальстаффе»? – уточняю я, хотя необходимости в этом нет. Мы всегда гуляем в «Фальстаффе».

Данте кивает:

– Уже договорился с Майки, чтобы придержал для нас отдельный кабинет на втором этаже. Осталось только уточнить некоторые детали и проследить, чтобы Уиллард снова не протащил травку. Справитесь?

– Приложим все усилия, – отвечаю я и, повернувшись к Леа, многозначительно киваю. Особой подготовки рождественский праздник не требует, придется выдумывать сложные задачи, требующие ее непременно участия. И уж тут я точно приложу все усилия.

Глава 7

Направляясь в кафе «Оле», сталкиваюсь в дверях с Эбenezером. В руке большой пластиковый стакан ароматного кофе. Вкус этого напитка терпеть не могу, но, надо отдать должное, пахнет просто божественно! У Эбenezера вид человека, выходящего от соседки, у которой муж в командировке.

– Э-э... Здравствуй, мой мальчик, – с растерянным видом выпаливает он. – Смена закончилась?

Киваю.

– А у вас сейчас начнется?

Эбenezер энергично кивает несколько раз.

– Да, да. Мм... – оглядывается по сторонам, ища вдохновения для новой темы разговора. – Эта новая менеджер... мм... очень способная девушка. Напомни, как ее зовут?

– Леа.

Сколько знаю Эбenezера, ни разу ничего не забывал.

– А-а, ну да, – рассеянно произносит он. – А как дела с издательством, которое заинтересовалось твоей книгой? Новостей не слышно?

– Слышно. Сказали, что издательский план полностью составлен и включить мою книгу не получится.

– Недоумки! Придет день, и они горько пожалеют, – качает головой Эбenezер. – Главное – не сдавайся. Я тебе строго запрещаю!

Улыбаюсь:

– Спасибо за доброту.

– Чепуха! Между прочим, Джойс издал первый роман за свой счет, а «Улисса» вообще книжный магазин выпустил.

– Джойс не писал про психопата, одержимого идеей рыцарских религиозных орденов одиннадцатого века и проникшего в студенческое общежитие.

– И зря. Намного больше книг продал бы! – возражает Эбenezер. – Такой захватывающий сюжет...

– Еще раз спасибо, мистер Ч., для меня ваша поддержка очень много значит.

Эбenezер смотрит на часы и объявляет, что должен бежать. Придерживаю ему дверь. Сегодня холодно, и перед тем, как идти домой, решаю выпить фирменного горячего шоколада.

За стойкой стоит Фермина Маркес, бессменная владелица кафе «Оле» на протяжении двадцати пяти лет, с тех пор как приехала в страну. Согласно элементарным подсчетам, Фермине должно быть около шестидесяти, но благодаря безупречной смуглой коже и благородному римскому профилю выглядит лет на двадцать моложе. Фермина из маленькой деревеньки на средиземноморском побережье под названием Лусено-дель-Соль. Каждую зиму жалуется на холод и снег, поговаривает о возвращении в Испанию, но всякий раз решает остаться.

Ходят слухи, что у Фермины был страстный роман с Пабло Пикассо и именно она послужила одной из моделей для великой картины «Обнаженная и курильщик» (вторая модель – сам Пикассо), но никаких доказательств этому нет. Слухи для Фермины – хлеб насущный. Редкая сплетня ускользнет от ее оснащенного электронным аппаратом уха и скрывающегося за бифокальной линзой глаза.

Единственное, о чем Фермина даже не догадывается, так это о многолетней влюбленности Эбenezера. Ее муж Мигель погиб пять лет назад из-за несчастного случая на стройке. Демонтировали здание, и вдруг один из работников стал прогонять наглую ворону, наце-

лившуюся на его обед, потерял равновесие и упал на машину Мигеля с высоты двенадцатого этажа. А Мигель был внутри. Физически бедняга не пострадал, но так перепугался, что у него случился сердечный приступ, из-за которого Мигель снес ограждение и свалился в разрытый заброшенный туннель метро. Уж не знаю, что именно коронер указал в качестве причины смерти, но предполагаю, что сильно упростил историю.

Если верить Данте, Эбенезер – регулярный посетитель кафе с самого дня открытия. Единственное исключение – три недели в феврале, когда Фермина совершает ежегодное паломничество домой, оставив кафе на подчиненных. В это время стараюсь особо не загружать Эбенезера работой – он становится еще ворчливее обычного.

Из-за перенесенной в юности вирусной болезни Фермина частично оглохла на левое ухо и носит слуховой аппарат, что помогает ей подслушивать личные беседы клиентов. Собственно, отсюда и происходит репутация главной сплетницы. В деле подслушивания Фермина обставит любого шпиона.

Подхожу к стойке и заказываю *churros con chocolate* с собой. Это густой, будто пудинг, горячий шоколад, к которому подают пирожки продолговатой формы. Их надо макать в шоколад. Пирожки пекутся прямо в кафе каждое утро, вкус – просто восхитительный.

– Ты прямо как Эбби, только про вашу новенькую и твердишь, – говорит Фермина, укладывая *churros* в коричневый бумажный пакет. – Видела я ее жениха. До свадьбы дело не дойдет.

– Вашими бы устами, Фермина, – отвечаю я. Нет смысла делать вид, будто личная жизнь Леа мне безразлична. Скорее всего, Фермина узнала о моих достойных Макиавелли интригах раньше меня самого.

– Это не предположение, – качает головой Фермина. – Это факт. Сидели тут у меня на днях. Вон там. Ругались не переставая.

Фермина указывает на столик в дальнем углу кафе рядом с дверью. Не могу сдержать любопытства.

– Ругались? – переспрашиваю я, навалившись на стойку и понизив голос. – Правда? Из-за чего?

Фермина загадочно улыбается. Она не намерена делиться ценной информацией просто так. Сплетни – ее валюта.

– А почему тебя интересует эта женщина? Разве ты не встречаешься с кассиршей? Той самой, у которой муж из армии дезертировал?

– Нет, – поспешил разъяснить недоразумение я. – Она теперь встречается с С... с-с кем-то другим. – Имени Себастьяна лучше не упоминать. – И вообще, серьезных отношений у нас не было. Так из-за чего ругались Леа с женихом?

– Конечно, я не все расслышала, – начинает Фермина. Это неправда, но предпочитаю промолчать. – Жених не хочет, чтобы она вступала в какую-то театральную труппу. Говорил, это помешает его планам по поводу нового бизнеса, или что-то в этом роде.

Должно быть, речь о труппе, про которую Леа рассказывала при нашей первой встрече. Ну конечно, Гровер считает, что она зря тратит время.

– А Леа что?

Фермина кладет *churros* на стойку и поворачивается, чтобы наполнить стакан горячим шоколадом.

– Сказала, что не для того туда устроилась, чтобы бросать. Кажется, она уже делала это ради него. Даже пригрозила вернуть кольцо.

Забываю, как дышать.

– А потом?..

А потом открылась дверь, и в кафе вошла Леа.

– Вот ты где! – восклицает она с таким видом, будто я ударился в бега под вымышленным именем. – Слушай, ты в пятницу свободен?

Договорился сходить в кино с Себастьяном, но пусть он меня простит.

– Насколько мне известно, да.

– Знакомый рабочий сцены достал билеты на премьеру «Розенкранц и Гильдестерн мертвы». Не хочешь пойти? Гровер по делам уехал.

Хочу ли я пойти? Холостяк ли папа римский?

– Конечно! С удовольствием!

– Вот и отлично. Спектакль заканчивается рано, потом еще в «Фальстаффе» посидеть успеем. Я за тобой завтра зайду на работу.

И с этими словами Леа исчезла так же внезапно, как и появилась. Даже брошенная в окно граната не смогла бы оглушить меня сильнее. Фермина с многозначительным видом протягивает мне шоколад.

На следующий день я в таком настроении, что позволяю Себастьяну уговорить себя в очередной раз устроить Мирославу розыгрыш со стандартным международным номером книги.

Делается это так. Находим в базе данных старую, никого не интересующую, более не издающуюся книгу, меняем название, квалификацию и указываем большое количество экземпляров, будто ее в магазине много. Потом один из нас звонит под видом покупателя, называет номер и терпеливо ждет, пока жертва тщетно разыскивает требуемое. Наконец до нее доходит, в чем дело. А если нет, признается, что возникли трудности с поиском, и спрашивает телефонный номер, чтобы перезвонить после более тщательного осмотра магазина.

Новичков учат: все, что в компьютере, – истина в последней инстанции. Большинство даже не удивляется, услышав о фантастическом романе «Битва половых гигантов с Юпитера», детской религиозной книге «Мамочка, за что Бог нас ненавидит?», путеводителе «Юго-запад Онтарио для педофилов» и комиксах «Барби против банды вампиров».

Обычно я придумываю названия, а Себастьян звонит. Как несостоявшийся актер (кроме всего прочего, в чем Себастьян не состоялся), он лучше меня умеет изменять голос. В основном при помощи какого-нибудь дикого акцента. Себастьян выдает себя то за трансильванского графа, то за австралийского бушмена, то за отправленного в позорную отставку итальянского министра, то за победителя фестиваля игры на банджо из Кентукки. Сегодня наш покупатель – бывший сотрудник КГБ по имени Владимир, жаждущий прочесть книгу «50 способов полюбить себя – справочник онаниста» П. Найлса Трокера.

Мирослав – единственный сотрудник, больше одного раза попавшийся на эту нехитрую уловку. Да, охотно признаю – подобное обращение с работником противоречит корпоративному духу, но как же это весело! Когда к нам завезли небольшую партию адаптированных Библий, книги слегка подгорели в результате несчастного случая (Уиллард бросил косячок не в ту сторону). По инструкции экземпляры надо было утилизировать, но вместо этого мы велели Мирославу выложить их на столик и повесить табличку «С подписью автора». Из соображений безопасности проделали мы это, когда у Матери Терезы был выходной.

Пока Мирослав ищет справочник онаниста, рассказываю Себастьяну о намечающемся вечере в обществе Леа.

– Да что ты! Поздравляю, товарищ! А как же наш классовый враг, Уэтстон?

– Не знаю, товарищ. Вот бы его в Сибирь сослали.

– Да, такая перестройка мне по вкусу!

О ссоре в кафе не рассказываю, иначе Себастьян разойдется еще сильнее, а я не хочу питать лишних надежд.

– Кстати, о чужих женах. Как дела с Миной?

Себастьян открывает было рот, но тут кто-то стучится в дверь. Мы всегда звоним из кабинета менеджера, потому что пользоваться телефоном в зале – это уже совсем наглость. В дверь просовывается голова Мирослава.

– Покупателю нужна книга про то, как дрочить, – докладывает он, дополняя слова жестами для тех, кто не понял. – Не могу найти. Не знаете где?

Изображаю глубокие раздумья, а на самом деле просто стараюсь сдержать смех.

– Кажется, Лолита ее у кассы выставила. Пойди спроси.

Мирослав кивает и уходит.

Себастьян с улыбкой качает головой:

– Ну ты подонок.

Себастьян прав. Действительно подонок. Отправляю не блещущих умом сотрудников на поиски самоучителя по мастурбации. Несерьезно отношусь к работе. Сплю с чужими женами. Пытаюсь увести чужую невесту. Однажды вынес из магазина CD, за который забыл заплатить, а когда заметил, возвращаться не стал. Ни разу не был волонтером, не участвовал в благотворительности – если не считать того случая, когда два года назад купил у маленького мальчика коробку миндаля в шоколаде. Подавляющее большинство людей меня бесит, особенно сосед снизу, который любит заниматься сексом под песни Джорджа Торогуда. Вернее, любил, пока я не пробрался к нему в квартиру в его отсутствие и не поменял «Скачу, пока не упаду» на альбом с детскими песенками. С тех пор наслаждаюсь тишиной.

– Она вчера ко мне приходила, – робко сообщает Себастьян.

– Я не ослышался?

– Увы, нет. Мина очень настойчивая, а я не монах Шаолиня, не выдержал.

– А как же муж? Как же беглый сержант? Разве не боишься, что застукает вас, и тогда уже начнется другой секс, который тебе совсем не понравится?

Прежде чем Себастьян успевает ответить, Мирослав сообщает «клиенту» по телефону, что не смог найти несуществующую книгу. Себастьян, стараясь как можно точнее изобразить голос Владимира Путина, благодарит за беспокойство, оставляет продавцу номер телефона местного консервативного члена парламента (в прошлый раз назвали номер магазина для взрослых), и только после этого вешает трубку.

– Конечно, этот вариант приходил мне в голову, – говорит Себастьян. – Но у меня сейчас проблемы посерьезнее.

– Даже боюсь предположить какие. Мина беременна?

– Нет. О боже! Надеюсь, тут все обойдется. Но про наши отношения узнал папа!

Папой Себастьян называет маму – в честь папы римского. Мама Себастьяна – директор католической школы для девочек. Она бывшая монахиня и отпрысков держит в строгости – во всяком случае, старается.

– Ничего себе! И что именно...

– Все, – вздыхает Себастьян. – Мама Мины искала дочку и позвонила нам. Видел когда-нибудь маму Мины?

– Нет.

– Повезло. Монстр, а не женщина. Дымит, как паровоз, с утра до вечера играет в покер в онлайн-казино и вечно жалуется, что в дождливую погоду у нее колени раздуваются, как дыни. Короче, она дала моей маме полный отчет.

– Ну ты попал.

– Попал – не то слово. Издана новая папская булла – я должен немедленно прекратить всякие отношения с Миной. Иначе меня отлучат от церкви.

– В смысле?

– В самом прямом – на улицу вышвырнут. Буду жить рядом с тем бомжом-алкоголиком, который вечно орет на такси.

– Это же хорошо! Теперь у тебя мощная мотивация. Вопрос выживания как-никак. Себастьян встает и начинает ходить из угла в угол.

– Боюсь, все не так просто, друг мой.

– Это еще почему?

– Видишь ли, начиналось все с безобидного перепихона, но в процессе у меня... э-э... проснулись истинные чувства.

– Шутишь?

Самому стыдно за свою реакцию, но... сами понимаете! Нет, серьезно? Мина?! Мне бы такое даже в голову не пришло. Вот, кстати, еще одна лишняя причина признать меня подонком.

– Нормально... Что будешь делать?

– Даже не знаю, – бормочет Себастьян. – За столько лет привыкаешь к домашнему уюту. А ночевать в коробке под мостом не очень-то комфортно...

Будь на месте Себастьяна кто-то другой, решил бы, что он драматизирует. Но я имел удовольствие быть представленным папе. Ее эдикты обсуждению не подлежат.

– Не можешь же ты переехать к Мине. Забавляться с чужой женой – одно дело, но захватить чужой гараж – это уже, знаешь ли, за гранью.

– Спасибо за сочувствие.

– Извини. Что бы ни случилось, всегда готов предоставить тебе место на диване.

– Ты настоящий друг. Отправлял же нас Данте в прошлом году на семинар о мошенничестве! Надо было не ушами хлопать, а слушать! Сейчас бы знал, как выдать себя за другого человека, очень пригодилось бы...

Глава 8

Считаю, секция биографий знаменитостей в нашем магазине лишняя.

Биографии бывают нескольких видов. Первые пишут скороспелые звездочки какого-нибудь банального комедийного сериала. Издатели предлагают им контракты в надежде подзаработать (а кто сейчас на это не надеется?..). И теперь эта звездочка пытается хоть чем-то заполнить сто пятьдесят страниц или около того, а к связному тексту они не привыкли, только к коротким репликам. Поэтому в подобных книгах чего только нет – списки, графики с рейтингами, сенсационные откровения (тщательно проверенные и сокращенные пиарщиками и юристами), а также банальные рассказы о том, как над ними насмехались в старших классах. В общем, книги эти здорово смахивают на те самые сериалы: есть парочка смешных моментов, а все остальное – тоска зеленая.

Вторая категория – биографии рок-звезд, про которых думаешь, что они уже давно умерли. Их покупают ради описаний группового секса с фанатками в состоянии наркотического опьянения. Еще народу интересно читать про разгромы, учиненные в номерах отелей, одна ночь в которых стоит дороже, чем большинство зарабатывает за год. Финал одинаковый – преждевременная смерть какого-нибудь безымянного гитариста или представителя технического персонала заставляет звезду одуматься и вступить на тернистый путь реабилитации.

Но хуже всего биографии актеров. Особенно пожилых. Книга представляет собой набор самовосхвалений, упомянутых как бы между прочим громких имен знакомых и насквозь фальшивых комплиментов коллегам. При всем при этом актер пытается создать впечатление, что, даже став одним из самых богатых и знаменитых людей на планете, совсем не изменился и остался тем же простым пареньком из маленького города, но с большой мечтой. Даже если этого конкретного артиста два раза арестовывали за то, что швырнул кадку с пальмой в консерджа. Или сломал нос своей девушке. Или украл подушку, на которой умер Линкольн.

Последняя категория – неизвестные знаменитости. В нее входят бизнесмены, продюсеры и гениальные компьютерщики. Это никто не читает. Нам привозят двадцать экземпляров, и по истечении обязательных девяноста дней отправляем те же двадцать экземпляров обратно. Значит, ты тот самый человек, который приобрел права на второсортное британское реалити-шоу и на его основе создал самую популярную программу в Америке? Ну что ж, поздравляем. Сделал из «Стоун Роузиз» звезд, когда на них уже все рукой махнули? Молодец, молодец... А теперь плыви-ка отсюда на своей яхте и не загромождай наши полки воспоминаниями о том, как, будучи бедным и никому не известным, врезался в лимузин писателя Тома Клэнси, а тот чуть не пристрелил тебя из автомата, который везде таскает с собой, несмотря на отсутствие лицензии.

Почему я завел речь на эту тему? Просто вдруг сообразил, что очень много рассказываю о других и почти ничего – о себе. Что верно, то верно. Сейчас исправлю упущение, но постараюсь свести подробности к минимуму.

Родился в Шотландии, в Канаду меня перевезли в возрасте двух лет. Когда мне было девять, родители надумали переехать обратно, и наша семья провела в Шотландии целое лето, присматривая подходящее жилье. Единственное, что помню, – первый вопрос, который задавали мои ровесники на улицах или в парках: «Ты п или к?» Я и без этих шифров их акцент еле разбирал. Нет, в этом случае само содержание вопроса было понятно, а вот смысл... Оказалось, дети хотели знать, протестант я или католик. Но и после этого ясности не прибавилось – я понятия не имел, чем одни отличаются от вторых. Оказалось, отличие серьезное – первые весело проводят время, пиная мячик, а вторых пинают вместо мячика.

Любимое слово у шотландских детей было «хер». Местные школьники употребляли его в любом предложении, так же как мои канадские друзья – «прикол» или «отстой». По наивности и незнанию за ужином в шутку называл дядю Уильяма «старым хером» и провел остаток вечера в своей комнате. Кажется, после этого родители решили, что жизнь в Шотландии не для них, и мы вернулись к родным канадским пенатам.

Я был тихим ребенком. Учился хорошо по всем предметам, кроме математики. Цифры для меня были все равно что иероглифы. Но у иероглифов хотя бы тайный смысл был. Общительностью я не отличался. В старших классах чувствовал себя ненамного комфортнее, чем в тюрьме.

Ну, что вам еще рассказать? Довольно прилично играю в бильярд. Люблю вино и пиво, но даже после незначительного употребления этих напитков срабатывает рвотный рефлекс, так что любовь эта, увы, не взаимна. Шотландские гены проявляются в любви к футболу и презрению к хоккею – по мнению шотландцев, это и не спорт вовсе, а драка беззубых амбалов. В Шотландии все беззубые амбалы собираются на трибунах. Конечно, болею за многострадальный футбольный клуб Торонто (хотя толку никакого), но наблюдать, как игроки «Барселоны» с легкостью передают друг другу футбольный мяч, будто они на поле одни, – вот истинное наслаждение.

Учился я на журналиста, потому что всегда хотел писать, но во время стажировки понял, что работать в газете не желаю. Окончательно я это осознал в семь пятнадцать утра в субботу (работал вторые выходные подряд). Один из редакторов хотел написать про семилетнего ребенка, которого накануне вечером сбила машина. Известна была только фамилия. От меня требовалось взять телефонный справочник и обзвонить всех людей с этой фамилией, пока не найду нужную семью, а потом спросить, погиб их ребенок или просто опасно ранен (последнее, как мне дали понять, не так интересно). Мне повезло. Попал куда надо с первой же попытки. Родители сказали, что у девочки только сломана нога. Недельки через две-три срастется. С тех пор к этому карьерному поприщу я охладел.

Впрочем, даже если бы и хотел работать в газете, их все равно тогда начали закрывать одну за другой. Устроился в компанию, распространяющую (вернее, крадущую) всевозможные базы данных. Я там занимался оформлением. В основном перепечатывал разные цифры. Как видно из описания, занятие более чем тоскливое.

Через два года владельцу пришлось продавать бизнес, потому что жена подала на развод. Оказалось, он еще владел салоном моментального загара в Орландо, где и решил опробовать кабинку в компании с тремя сотрудницами. Одна из них выложила видеозапись этого тестирования в Интернет. Владелец сказал нам, чтобы не беспокоились, многочисленные судебные процессы на работе не скажутся, но на следующий же день из офиса вынесли все, включая остатки вчерашних обедов в холодильнике.

С работой тогда было трудно, безработица в самом разгаре, вот и решил пока немного поучиться кинематографическому делу. Днем пытался освоить правильную передачу тональности черного и белого цветов, а по вечерам работал в книжном магазине для студентов. Денег хватало только на продукты или предметы первой необходимости – на то и другое никогда. Я был постоянно в долгах. К концу первого года снял ужасающую короткометражку продолжительностью ровно двадцать восемь минут о репортере, который неожиданно узнает, что все новости, которые печатает их газета, выдумывает маленький старичок в кабинете на восьмом этаже. Он следит за старичком до дома, а потом «случайно» переезжает машиной. На следующий день репортер приходит на работу, и ему сообщают, что его переводят в новый кабинет... на восьмом этаже... Называется «Свежие новости». Сам не понимаю, что на меня тогда нашло.

Отучившись первый год, обнаружил, что на второй денег нет, ведь от учащихся требовалось за свой счет снять еще более масштабное полотно, чем мой глубокомысленный

опус. В студенческом книжном магазине разрешалось работать только студентам, так что со службы меня попросили. Так в один миг я потерял все. Но тут улыбнулась удача – бывшая однокурсница Лючия Андолини, специализирующаяся на экономике и изучающая кинематографическое дело в качестве факультатива, упомянула, что ее брату Данте, управляющему книжным магазином, срочно нужен человек с опытом работы.

Так я попал в «Книжную лавку».

На любовном фронте у меня все это время было довольно тихо. Пока учился на журналиста, встречался с девушкой по имени Джун. Она жила на ферме в сорока пяти минутах езды от города. Знаю, это характеризует меня с не очень хорошей стороны, но дорога и деревенские запахи несколько охладили мой пыл. Старший брат Джун, Майнард, играл на банджо и регулярно участвовал в конкурсах, что требовало постоянных репетиций. Не знаю, как у вас, а у меня мелодии кантри острого прилива возбуждения не вызывают. Этот Майнард вообще был странный тип. Тридцать пять лет, целыми днями брэнчал на банджо, питался приготовленным в микроволновке блюдом собственного изобретения – «сырными хрустяшками» (детские кукурузные хлопья с расплавленным куском сыра), а по телевизору смотрел исключительно повторы научно-фантастического сериала «Доктор Кто».

В любом случае дольше одного семестра Джун не продержалась – завалила экзамены и устроилась на административную работу на какую-то ферму, где доили коров. Майнард выиграл престижный конкурс в Кентукки и даже поучаствовал в записи последнего альбома Стива Мартина – ну, чуть-чуть.

После этого у меня долго не было девушки. Получая второе образование, ненадолго сошелся с одетой в кожу бисексуалкой по имени Нооми. Нооми на вид была вылитая байкерша – татуировки, пирсинг по всему телу. А на самом деле получила стипендию Родса и научную степень по экономике в Оксфорде. Вместо того чтобы устроиться на работу в аналитический центр или банк, решила стать полной противоположностью самой себя, забросить все, к чему готовилась двадцать с лишним лет, и броситься в альтернативную субкультуру с тем же остервенением, что и в науку.

Нооми выступала в составе панк-группы под названием «Грязная шлюха» и снимала «экспериментальное кино» на камеру мобильного телефона. В основном состояли эти фильмы из крупных планов того, как Нооми вставляет и вынимает многочисленные сережки, а также кадров из детского мультика про паровозик. Уж не знаю, что Нооми хотела этим сказать. По-моему, она и сама не знала. Длились фильмы минуты по две, не больше, но ни один до конца не осилил.

Кажется, больше всего Нооми во мне нравились обширные познания в области кино, музыки и культуры в целом. А когда научил ее всему, что мог, отправилась искать другого наставника. Еще была у Нооми неприятная привычка притворяться, будто лучше всех разбирается в творчестве человека, о существовании которого только что услышала, а всех остальных поклонников данного режиссера или артиста считать примазавшимися дилетантами. А уж когда принималась блистать своими хлипкими познаниями в области популярной культуры на людях – тут хоть сквозь землю провалились. Затевала шумные споры, а потом выяснялось, что Нооми понятия не имеет, о чем говорит (согласитесь, ни один человек в здравом уме не скажет, что «День рождения моего лучшего друга» – лучший фильм Тарантино). Однако Нооми была настолько не в теме, что даже не могла осознать всей глубины своего невежества.

С сексом было то же самое. За все студенческие годы родители разрешили Нооми встречаться только с одним мальчиком – желтолицым меланхоличным англичанином, которому она дала милое прозвище Благородный рыцарь сэр Тристан Импотент. С собственной сексуальной неопытностью Нооми решила расправиться так же решительно, как стая гиен, кидающаяся вдогонку за кенийским почтальоном. Начала Нооми с игрушек (наруч-

ники, фаллоимитаторы, вибраторы, седла-качалки). Весь набор был заказан в Интернете. Когда ассортимент был освоен, Нооми начала ходить на вечеринки свингеров, но надолго ее не хватило. Большинство членов клуба казались слишком старыми, толстыми, волосатыми и в целом просто омерзительными. В результате Нооми основала собственный клуб, «Дворец наслаждений Нооми». Это позволило ей фильтровать, простите за каламбур, членский состав.

Все ее выходы я воспринимал со здоровым чувством юмора. Не возражал, когда она проводила время с другими людьми, но при одном условии – я в этом участвовать не намерен, и не просите. Как сказал герой моего любимого комедийного сериала «Сайнфилд», «оргии – это не ко мне». Нооми посмеялась над моими «мещанскими предрассудками» и с тех пор больше не звонила. Я особо не расстроился. Пирсинг любимой девушки, знаете ли, может быть серьезной проблемой, особенно в темноте.

Кстати, Нооми – не настоящее имя. На самом деле ее звали Сисели. По моим сведениям, сейчас работает в Международном валютном фонде и собирается замуж за секретаря кабинета министров из партии тори.

Потом встречался с итальянкой, у отца которой дома хранилась коллекция из двадцати двух ружей. Не успел порог переступить, как он выразил настойчивое желание показать мне их все. Отец моей девушки всю жизнь собирал ружья и теперь считал своим долгом похвастаться перед каждым гостем мужского пола, включая электриков и водопроводчиков. Этот человек – радикальный представитель правого крыла, категорически настроен против правительства и выступает за свободное ношение оружия, я же – социалист, тяготеем к левому крылу и считаю, что чем больше государственного контроля, тем лучше. Но, как ни странно, поладили мы с полуслова. В результате провел с ним больше времени, чем с его дочерью. Вообще-то до сих пор общаемся. Каждый год он получает разрешение на охоту на лося на острове Ньюфаундленд, в этот раз один из группы поехать не смог, поэтому отец моей бывшей девушки пригласил меня на освободившееся место, обещая отличную компанию из восьми человек. Но у Данте на той неделе как раз был отпуск, так что ничего не получилось.

Дочка же училась на повара в колледже Джордж Браун. Познакомились в магазине – она как раз шла из нашего кинотеатра и под влиянием просмотренного решила купить кулинарную книгу, по мотивам которой сняли очень нудную сказку для взрослых на тему «измени свою жизнь». Если верить подобному кино, чтобы все у тебя было в шоколаде, надо просто переехать на юг Франции или в Тоскану, есть все, что душа пожелает, и прыгнуть в постель к местному секс-символу. Правда, непонятно, почему, являясь единственным более-менее привлекательным объектом в радиусе двухсот миль, он до сих пор свободен.

Мы разговорились и через несколько дней пошли в кино уже вдвоем. Мне фильм показался банальным и скучным, но ей понравилось. Решил держать свое мнение при себе – в конце концов, красивые девушки в мою гавань заплывали нечасто, не хотелось все испортить.

Некоторое время дела шли довольно хорошо, хоть у нас и не было ничего общего. Девушка моя была студенткой, и ее идеальная программа для субботнего вечера выглядела следующим образом – «разогреться» в студенческом баре, а потом встать в хвост огромной очереди в какой-нибудь модный ночной клуб. Несколько раз составил ей компанию, но все это было совершенно не в моем вкусе. В другие вечера мы ходили в рестораны или кино, даже пару раз сумел вытащить ее в театр (нарочно произносил «теа-атрppp!», чтобы звучало веселее и круче, но это не особо помогало). Девушка моя оказалась книгой, которую дочитываешь только для того, чтобы узнать, чем все закончилось.

Получив диплом, она устроилась на кухню большой винодельни около Ниагарского водопада. Рассчитано заведение было на туристов-пенсионеров и не слишком обеспечен-

ных молодоженов, которым не по карману поездка в Европу. Я как-то ездил ее навестить. Оказалось, там все точь-в-точь как в «Грязных танцах». Каждый вечер давали водевиль или мюзикл – впрочем, хорошо подвыпившие клиенты разницы не замечали.

Первым тревожным звоночком было то, что в честь моего приезда она не стала брать отгул, а работала, как обычно, полный день. Не успел чемодан открыть, как меня огорошили новостью – оказалось, она встретила другого. Его зовут Гэри, учится на сомелье. Пара планировала несколько лет поработать здесь, набраться опыта, а потом открыть собственный ресторан. Она будет готовить, он – предлагать дорогие вина. Назвать заведение планировали «Солитер» – решили, что слово красивое.

Мне бы следовало принять новость невозмутимо и с достоинством, пожелать влюбленным счастья и отбыть восвояси, но я только что провел три поистине жутких часа в пробке на трассе 403 и жаждал сбросить напряжение. Объяснил, что солитер – это паразитирующий в кишечнике ленточный червь. Но для их забегаловки название как раз подходящее! Уж не знаю почему, но, когда вопил это на все лобби, звучало намного эффектнее. Заявил, что она могла предупредить раньше, чтобы я не тащился зря три часа. Сказал, что она совершенно ужасна в постели, заниматься сексом с ней – все равно что с пакетом льда. Придумал бы еще что-нибудь, но на этом месте меня вывел охранник. Я зашвырнул чемодан в машину и так резко рванул с парковки, что чуть не переехал группу любителей спиртных напитков из дома престарелых.

Оглядываясь назад, сам удивляюсь, почему так остро отреагировал. С самого начала не рассчитывал, что у нас что-то получится, а при мысли о расставании испытал облегчение. Ее отец встал на мою сторону. Гэри ему не нравился. Даже по телефону было слышно, с каким злорадством он рассказывал о том, как Гэри уволили. Занимался сексом на рабочем месте. С подавальщицей (так называются девушки, которые разливают вино по пластиковым стаканам). Если «Солитер» когда-нибудь и откроется, то без участия Гэри. Дочка же, сообщил отец, в ресторанном бизнесе разочаровалась и поступила на вечерний – хочет выучиться на риелтора.

Собственно, вот и вся личная жизнь. Не считая маленького казуса с участием главной кассирши.

Глава 9

Практически сразу стало ясно, что поход с Леа в театр не следует рассматривать как свидание. Во-первых, она привела еще четырех человек. Во-вторых, одним из них оказался Олдос.

Другие трое были коллеги по театральной труппе – высокомерная режиссерша Гирта, сидевшая на кокаине осветительница Рибика (да, это имя) и Пенелопа. Сначала решил, что бедняжка глухонемая. С самого начала вечера она молчала как рыба, но потом мне объяснили, что это такое актерское упражнение – научиться притягивать взгляды, не произнося ни слова. Олдоса пригласили ради Пенелопы. Я украдкой велел ему приложить все силы, чтобы завоевать эту принцессу – сразу видно, они созданы друг для друга.

Дальше последовала вторая плохая новость. Бесплатные билеты на пьесу Стоппарда нам так и не принесли, пришлось идти на какое-то «Происхождение видимости». Находился театр в Ист-Энде, вход был свободный, вместо кресел стояли лавки. Наша компания составляла примерно семьдесят пять процентов аудитории. Другие двое были бомжи – зашли на середине спектакля, чтобы укрыться от дождя, сели на задний ряд, стали презрительно выкрикивать что-то нечленораздельное и к началу второго антракта удалились. Полагаю, решили – уж лучше подхватить воспаление легких, чем терпеть этот кошмар. Я их очень хорошо понимал – сам подумывал о том же.

Начинался спектакль так – в центре сцены спина к спине стояли две женщины, первая – в одном лифчике, вторая – в одних лосинах. В дальнем углу справа скрывалась третья женщина. Из-за строительного комбинезона и каски принял ее за работницу сцены, но когда стало ясно, что уходить за кулисы она не планирует, пришел к выводу – она тоже участвует в действии. Каким образом, непонятно. Судя по полной неподвижности, пыталась изобразить растение в кадке.

Между тем женщины в центре сцены начали нараспев произносить рекламные слоганы разных эпох, а сзади, на огромном белом экране, показывали фотографии супермоделей, обложки «Плейбоя» и кадры из фильмов Рассы Мейера. Не думал, что такое можно растянуть на полчаса, но им это удалось. Было время, когда считал, что вид женской груди наскучить не может, но мое заблуждение исправил фильм «Шоугелз».

В антракте мы вышли в фойе и уныло усталились на столы, где стояли стаканы с водой из-под крана и какие-то подозрительные пирожки. Последние стоили десять долларов штука – «Все доходы на развитие театра!». Когда Леа спросила, что я обо всем этом думаю, даже не знал, что ответить.

– Н-ну... – наконец решился я. – Ходил как-то на мюзикл «Человек-паук», так этот спектакль намного лучше, ни одного несчастного случая на сцене...

Не считая того раза, когда у женщины в костюме рабочей с головы упал шлем и громко ударился об пол. Впрочем, не уверен – может быть, так было задумано.

Гирта откусывает большой кусок пирожка и смеется. В банку для денег ничего не положила, я заметил.

– Бедняга, сразу видно, из кожи вон лезут! Решили переплюнуть мою постановку «Цимбелина». Два года назад ставила.

– Я смотрел! – оживляется Олдос. – Смело.

Но мне доподлинно известно, что Олдос пошел на этот спектакль только по одной причине – прочел в рецензиях, что все роли исполняют женщины и играют актрисы топлес. Так что интерес к позднему Шекспиру тут ни при чем. Еще мне известно, что немногочисленные рецензии на постановку были не слишком восторженными, даже Олдосу не понравилось. Сказал, что действие вялое – в смысле, груди были маленькие и отвислые.

Рибика в шестой раз вышла из туалета, без особого успеха стараясь незаметно смахнуть с губы белые крошки. Не думал, что кто-то до сих пор нюхает кокаин. Должно быть, это все из-за кризиса – денег нет, ностальгия захлестывает. Недавно где-то читал, что кокаиновая зависимость снова входит в моду, особенно среди артистической богемы. Последние придумали мешать кокаин с антидепрессантом «Прозак». Видимо, идея в том, чтобы спокойно наслаждаться и не переживать, что ты наркоман.

Рибика хватает пирожное и запихивает в рот целиком, как удав.

– Освещение – полный отстой, – яростно жуя, выговаривает она. Глаза красные, как у кролика. – Такой осветитель только в один театр годится – анатомический. Ха-ха-ха!

Пенелопа многозначительно проводит пальцами по щекам и загадочно выгибает брови, будто злодейка из немого кино. Смотрю на Олдоса – он-то что обо всем этом думает? Судя по всему, тоже в полной растерянности, но ни за что не признается. Это же Олдос.

– Явно прослеживаются тенденции дадаизма, особенно в изображении фашистских женских архетипов, – глубокомысленно произносит он. – С нетерпением жду следующего акта.

О себе того же сказать не могу. Совсем не такого вечера я ждал. Настроение безнадежно испорчено. Наконец так называемая развлекательная часть вечера заканчивается. Отправляемся поужинать, но и тут меня ждет разочарование. Гирта тащит всех в недавно открывшийся ресторан кенийской кухни под названием «Гали». Своеобразие в том, что меню здесь нет. Заказ можно сделать, только загрузив специальное приложение для смартфона, которое стоит как хорошая бутылка красного вина. Смартфона у меня нет, приходится заказывать с телефона Олдоса, но тот по ошибке жмет не на то блюдо. В результате передо мной ставят тарелку живых личинок, есть которые предлагается серебряными щипцами, здорово смахивающими на зубоврачебный инструмент. Перед тем как брать деликатес в рот, его следует подержать над горелкой в центре стола, пока не поджарится.

Желая произвести впечатление на Пенелопу, Олдос хочет взять моих червяков себе и предлагает поменяться. При других обстоятельствах не принял бы такую жертву – тем более что блюдо Олдоса выглядит не лучше. Но я только что высидел полтора часа полного бреда и умираю от голода и теперь с радостью согласился. Уж не знаю, что заказал Олдос, но, как ни странно, эта штука мне даже понравилась.

Тем временем Олдос осторожно подносит личинок к огню. В первый раз по неопытности передержал, обжег щипцами язык и уронил личинку на колени. Но после нескольких попыток приспособился и даже хотел угостить Пенелопу, но та жестом изобраила вежливый отказ. Кажется, показывала, что вегетарианка. Или что у нее язва желудка. Или, чтобы съесть такое, ей надо сначала напиться. Или что она с маленькой планеты, вращающейся вокруг звезды Бетельгейзе. Не знаю, как другим актерам, но Пенелопе без силы слова обходиться сложновато.

– Ой, смотрите! – восклицает Гирта, тыча пальцем в лысого мужчину возле барной стойки. – Род Спейсек! Это же он снял тот малобюджетный фильм ужасов! Удивляюсь, как ему в тот год не дали приз зрительских симпатий! «Бешеные каннибалы»! Уникальный визуальный стиль! Слышала, его следующий фильм продюсируют сами Вайнштейны! Пойду поздороваюсь.

Гирта встает и решительно лавирует между столиками, подобно ледоколу. Удивляюсь, что она смогла так долго усидеть на одном месте. Каждый раз, когда открывалась дверь, Гирта моментально оборачивалась посмотреть. Будто за ней полиция гонится. Так вот почему она выбрала этот ресторан. Рибика в сотый раз отправляется в туалет.

Леа наклоняется ко мне и шепчет на ухо:

– Извини.

– Ничего, – отвечаю я, тыча вилкой в тарелку. – Кстати, вкусная штука. Интересно, из чего приготовлена?

Леа снова тянется ко мне. Собираюсь похвалить запах блюда, но ее дыхание около моего уха оказывает совершенно фантастический эффект. Теперь не то что говорить, встать не могу – иначе рискую смутить непристойным видом других посетителей.

– Я это не планировала. Думала, все будет совсем по-другому...

Пожимаю плечами, намекая, что тоже представлял наш совместный вечер несколько иначе.

– Что случилось с билетами на «Розенкранца»?

Леа только рукой машет.

– Гирта сказала, что у нее есть знакомый помощник режиссера, но потом вышло какое-то недоразумение... Короче, запутанная история. Думаю, просто хвасталась. Нарочно потащила нас на этот жуткий спектакль, чтобы ощутить свое превосходство. А сюда явилась, чтобы подлизаться к Спейсеку, или как его там.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.